

ЯЙЦА

драма для гурманов

Ида Гольц

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Ида Гольц

Яйца

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Ида Гольц

Яйца / Ида Гольц — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Сбежать с собственной свадьбы и бросить работу телевизионного журналиста? Или же поставить крест на блестящей карьере балетного танцовщика и отправиться в кругосветное плавание на яхте с командой слепых? Главные герои романа принимают на первый взгляд безрассудные решения и готовы даже к саморазрушению, и все это только ради свободы и возможности осознать свое истинное место в жизни. Но удастся ли им на обломках прошлого создать свой новый мир? Содержит нецензурную брань.

Содержание

ЧАСТЬ 1	5
ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	11
ГЛАВА 3	15
ГЛАВА 4	18
ГЛАВА 5	21
ГЛАВА 6	25
ГЛАВА 7	30
ГЛАВА 8	35
ГЛАВА 9	39
ГЛАВА 10	43
ГЛАВА 11	47
ГЛАВА 12	52
ГЛАВА 13	57
Конец ознакомительного фрагмента.	61

ЧАСТЬ 1

PARA BELLUM

«Хочешь мира, готовься к войне»

ГЛАВА 1

Пятница. 13-е. Хороший день для свадьбы. Эстер сумела убедить в этом всех.

– Почему именно 13-го? – деловито поинтересовался Оскар, сверившись со своим ежедневником, прежде, чем одобрить выбранную его невестой дату бракосочетания.

– Это всерьез или по приколу? – удивленно рассмеялся Марк.

Старший брат все еще сомневался, верно ли сложился пазл в голове его младшей сестры, несшейся в это замужество, как ураган.

– А вы, как думаете? – еще больше озадачила всех Эстер.

– Это ж надо было додуматься жениться в такой день, прости господи! – дама с белыми крашеными кудельками с эффектом «мокрых волос» ожесточенно обмахивала себя бумажным китайским веером. – Да еще в добавок обещают солнечное затмение!

Женщина произнесла это, ни к кому конкретно не обращаясь, демонстративно отделившись от своей группы, сопровождавшей пару новобрачных.

– Когда? – Эстер повернулась к ней.

– Что, когда? – та даже не поняла, о чем спрашивает Эстер, настолько была занята своими мыслями. От каждого взмаха ее веера в стороны расходились волны приторно-сладких духов и недовольства всем происходящим.

– Затмение, когда?

– А я знаю? – устало ответила кудрявая блондинка, резко захлопнув складной веер.

Эстер машинально взглянула на прозрачный купол атриума, через который бешеным потоком лился солнечный свет. В фойе дворца бракосочетаний толпилось несколько пар, у каждой из которых было еще по десять-двадцать человек приглашенных. На улице стоял полуденный зной, а здесь, в помещении всех спасал кондиционер. Правда, и он, натужно подвывая, уже выбивался из последних сил, охлаждая застоявшийся теплый воздух.

Дама с веером была из «свиты» невесты, стоявшей поодаль в ожидании приглашения в зал церемоний. Она то и дело бросала презрительно-жалостливый взгляд на новобрачную, из-под белого гипюрового платья которой вызывающе выпирал шаровидный, как арбуз, живот.

В нескольких шагах от них теснилось немногочисленное семейство Эстер, которое вот-вот на законных правах приумножится родней ее избранника. Все были торжественно-взволнованны предстоящим. Отец старался выглядеть невозмутимым, но то и дело бросал на дочь пытливый взгляд.

Оскар им не понравился. Эстер это чувствовала с самого начала.

– Курите? – поинтересовался отец, открывая перед Оскаром после первого знакомства за ужином коробку с доминиканскими сигариллами «*Montecristo*». – Превосходный табак с привкусом ореха.

Сам-то Борис Робертович предпочитал трубку.

Оскар только протестующе замахал руками.

– Напрасно, молодой человек, – табак – отличное средство коммуникации, – не удержалась от комментария Маргарита Львовна, которая тоже на правах старой знакомой их семьи была вовлечена во все матримониальные дела Эстер.

– *Ballantine's* или *White Horse*? – продолжила тестировать жениха Мириам, когда Эстер их познакомила.

Оскар почувствовал, что тут явно кроется какой-то подвох.

– Ботан, в школе стопроцентно была кликуха «жиробас», недостатки внешности компенсирует бешеным карьеризмом, – выдал свою безжалостную характеристику Марк. – Ты попала, сестренка! Он идеально подходит на роль маньяка-садиста.

«Сказал, словно таракана одним ударом к стене припечатал. И еще ржет!» – подумала тогда Эстер.

Оскар провалил свой экзамен по всем статьям.

Эстер, может, повезло чуть больше. Знакомство с родителями Оскара вышло как-то неожиданно, экспромтом, она даже толком подготовиться не успела.

«Главное не перепутать, – твердила Эстер про себя, вспоминая, что там Оскар рассказывал о своем семействе, – маманя у нас, значит, училка математики, а папаня – астролог. Или все же наоборот?»

Прямо с работы Оскар доставил ее за стол с винегретом и салатом оливье. Кстати, очень неплохими, отметила про себя Эстер. Овощи не переварены, оливкового масла без перебора, салат с двумя видами мяса, а не просто с колбасой, да еще к тому же майонез домашнего приготовления. Двенадцать баллов из десяти возможных, – оценила она готовку мамаша Оскара.

«ЗОЖница-математичка, – дала ей свое определение Эстер, – картошку на кубики резала, наверно, по линейке, ишь какие, все идеальной формы, ровные получились».

– А теперь, когда я выпила, позволю себе сказать, – осмелела его маман, допив стакан свежесжатого апельсинового сока, на целый кувшин которого капнула наперсток водки.

«Зря только добро переводить», – с сожалением отметила Эстер, глядя на все эти опыты с напитками.

– Тебе этот свитер совершенно не подходит, – закончила свои откровения мать Оскара.

Такой «момент истины» показался Эстер неожиданным. Свой зеленый балахонистый джемпер Эстер вязала, наверно, год. Зареклась больше братья за спицы, потому работой своей особо дорожила.

– Да, он старый и совершенно несношаемый, – невозмутимо парировала Эстер, – в смысле, сносу ему нет...

– Не надо было так рано приезжать, – сказала она Оскару, что-то быстро набравшему на своем смартфоне.

Она всегда поражалась, как он своими пухлыми пальцами умудряется так точно попадать в нужные буквы. У нее то и дело выходила какая-то абракадабра. Даже ее умная «Сонька» начинала тупить, не выдерживая лингвистических издевательств своей хозяйки.

«Пора переходить на язык эмодзи», – подумала Эстер в очередной раз.

– Ничего, лучше подождать, – Оскар, коротко взглянул на нее, поправив очки на переносице. – Чтобы потом не торопиться. Зачем? – и снова уткнулся в свой мобильный.

– Как, зачем? На встречу своему счастью, – услышала Эстер за своей спиной насмешливый голос брата.

Оскар посмотрел внимательно на Марка, но ничего на это не ответил.

Эстер было развернулась к выходу, но Марк подхватил ее под локоть.

– Ты куда?

– Курить хочется.

– Ничего, обойдешься. А то вон, Минздрав тебя уже в который раз предупреждает... – он кивнул в сторону ухмыльнувшегося Оскара.

Прозвучало довольно двусмысленно. Оскар и вправду был пресс-секретарем министра здравоохранения.

– Слушай, может, ему погоняло дать – «Минздрав»? – тихо, чтобы тот не слышал, проговорил прямо над ее ухом Марк.

– Очень смешно! Пусти! – Эстер выдернула руку из цепких пальцев брата.

– Еще минут двадцать придется подождать, – подошла к ним Мириам.

«Какая у нее все-таки удивительная способность оказываться в нужном месте в нужный момент», – подумала Эстер, чувствуя, как с напряжением нарастает раздражение.

В эту минуту она даже явственно ощутила разлитый в воздухе запах озона, как перед грозой.

– Да не вопрос. Хоть целую вечность. Жених у нас на редкость терпеливый попался.

– Марик, а ты чего разошелся-то? А? Чего так разволновался? В чем дело? – Мириам нарочно встала спиной к Оскару, чтобы тот не только не слышал, но даже не видел ее губ.

– Да ни в чем. Ждем-с. ПапА вот пришел. Королева Марго пожаловала тоже. Уже устанавливает дипломатические отношения с противной стороной, – Марк кивнул в их сторону, ехидно скривив рот.

– Противоположной стороной, – поправила брата Мириам.

– Она же и противная. Какая черт разница! – Марк недовольно покосился в сторону семейства Оскара.

– Это я всех пригласила, – вклинулась Эстер.

– Да кто бы сомневался? – не унимался Марк.

– А тебе чё не нравится?! Это моя свадьба. Когда сам надумаешь жениться, можешь это делать в гордом одиночестве.

– Вот это очень смешно. Правда.

Эстер заметила, что отец и родственники Оскара переключили свое внимание на них и настороженно наблюдают за разгоравшейся перепалкой. Отец даже сделал движение в их сторону, но Маргарита Львовна остановила его.

– Так, давайте не здесь и не сейчас! А лучше никогда, – Мириам решила взять под свой контроль ситуацию. – Вы извините нас, – улыбнулась она виновато Оскару, предпочитавшему сохранять в этой семейной междоусобице нейтралитет, и настойчиво повела Марка на улицу.

Эстер нестерпимо захотелось сейчас скрыться от всех. Хоть на несколько минут. И дико хотелось курить. Она взглянула через стеклянный потолок атриума на раскинувшееся над ней синее небо.

Солнце, замерев в зените, плавил крыши домов и растекалось жаром по каменным стенам зданий, стелилось маревом по дымящемуся асфальту и прожигало все насквозь, как через лупу, в этом аквариуме из стекла и бетона.

«Без сижки я никуда не пойду», – упрямо решила она.

– Я сейчас, – бросила Эстер Оскару, который продолжал копаться в своем смартфоне, и рванула из фойе, где толпилась родня и прочие гости, подпираемые новоприбывшими новобрачными.

В дамской комнате, к счастью, оказалось ни души. Эстер бы с радостью закрыла дверь на ключ, но замок там не был предусмотрен. Устроилась в кабинке, предусмотрительно выбрав ту, где было небольшое прямоугольное окошко вверху стены. Забралась на крышку унитаза, едва доставая до ручки окна, и, приподнявшись на цыпочки, распахнула его настежь. Достала из сумочки пачку сигарет и закурила, блаженно вдыхая дым. Вынула следом свой смартфон, просматривая не отвеченные звонки и не прочитанные сообщения. Все сплошь и рядом с поздравлениями по случаю бракосочетания, которое еще не состоялось.

Изучая содержимое телефона, Эстер время от времени глубоко затягивалась сигаретой, стараясь выдыхать дым в сторону окна, чтобы не дай бог не сработала пожарная сигнализация.

Она услышала, как приоткрылась входная дверь, кто-то, медленно ступая, вошел в дамскую комнату.

«Черт! Кого это еще принесло?!» – Эстер принялась энергично рассеивать рукой дым от сигареты.

– Я знаю, ты здесь!

Она узнала голос сестры.

– Было не сложно догадаться, куда ты могла подеваться.

«Ну да, по запаху нашла!» – Эстер продолжала листать телефонную книжку мобильного, сохраняя гробовое молчание.

– Эстер, ты меня слышишь?

В вопросе уже почувствовалось сомнение, мол, не ошиблась ли она.

– Слышишь... – сама же утвердительно ответила на него.

Эстер уже успела переключиться на ленту Фейсбука, продолжая неслышно затягиваться сигаретой.

– Знаешь, – продолжила Мириам, – я тут как-то решила перебрать вещи в шкафу. Сто лет собиралась, все руки не доходили.

Эстер оторвалась от телефона и даже забыла про сигарету, тлевшую в пальцах тонкой струйкой дыма.

– Не представляешь, сколько барахла всякого обнаружила! – продолжила Мириам.

Эстер почему-то была уверена, что сестра сейчас смотрится в зеркало, словно разговаривает сама с собой.

– ...Какие-то джинсы старые, свой брючный костюм. Помнишь, черный такой? Мне его в ателье еще шили. Идеальный крой. Мне он так нравился. Зря ты его не захотела взять. Тебе бы подошел. Короче...

Мириам замолчала на пару секунд. Наверняка губы подкрашивает, была уверена Эстер, продолжая сохранять молчание. Сигарета в руке совсем истлела и готова была обрушиться серыми пылинками пепла.

– ... Короче, – продолжила снова Мириам, – набралось два мешка всякого старья. Я подумала, если столько времени я ничего этого не ношу, зачем тогда хранить? Для чего? Для кого? Взяла все и выбросила. От ненужных вещей надо избавляться, – щелкнула Мириам замком сумочки, словно ставя финальную точку.

Сестра замолчала, а потом негромко хлопнула дверь. Ушла значит.

Догоревшая сигарета осыпалась прямо на платье из сиреневой органзы. Эстер осторожно сдула пепел, бросила оставшийся фильтр в унитаз и ткнула ладонью в округлую выпуклость слива над бачком.

–И-и-и-и, – послышалось где-то рядом.

Эстер дождалась пока стихнет шум воды и прислушалась. Рядом снова раздался протяжный писк. Она догадалась – из соседней кабинки. Нагнулась к полу, благо, что каждый отсек был отделен лишь легкой перегородкой-ширмой с открытым пространством снизу и сверху, но увидела лишь чьи-то ноги в белых «лодочках». Чертыхнулась про себя. Оказывается, пока она тут дымила сигаретой и выслушивала монолог Мириам, рядом был еще кто-то. Всхлипы за перегородкой продолжились и, распираемая любопытством, Эстер вновь взгромоздилась на крышку горшка, чтобы заглянуть в соседнюю кабинку. Роста не хватило, чтобы разглядеть.

«Ну прям вуйаеристка-извращенка, чесслово», – подумала она про себя, представив всю эту картину со стороны. Хотела было уже тихонько спуститься вниз и побыстрее избавиться себя от двусмысленной ситуации, как рядом раздался женский крик. Даже не крик, а горловой, прямо звериный, вопль, исходящий откуда-то из самого нутра.

– Э! У вас там все в порядке? – не выдержала Эстер.

– Не знаю... нет... – уже совсем жалобно ответили из-за стенки.

– Помощь нужна? Что случилось? – Эстер, подобрав подол платья, чтобы не оступиться, уже выходила наружу.

– О, господи... – с глубоким придыханием отозвался женский голос.

– Дверь открыть сможете? – Эстер критически оглядела дверцу соседней кабинки, прикидывая, удастся ли вышибить ее в случае чего, но слегка надавив на нее плечом, проверяя, насколько та прочна, поняла, что вряд ли.

К счастью, щелкнула задвижка, и принимать крайних мер не пришлось.

За дверью оказалась та самая невеста с животом-арбузом и дела у нее были плохи.

«До свадьбы не дотянет, – резюмировала Эстер, глядя на намокший подол ее кружевного платья.

– Ой, мамочки... – выдохнула, поморщившись невеста, придерживая одной рукой свой живот, из которого того и гляди вырвется наружу младенец, а другой потирала поясницу. – Тут одна приходила... про шкаф говорила, – напомнима она услышанный ими обоими монолог Мириам, – а я свой так и не успела перебрать... – лицо бедняжки исказила гримаса боли, – дура... – она часто задышала, пережидая, видимо, волну накатившей на нее схватки. – Ой, дура... детские вещи даже не собрала-а-а-а...

«Какой на хрен шкаф!» – Эстер опрометью метнулась из туалета в фойе.

– Люди! У кого там невеста... – она в замешательстве даже не произнесла «рожает», только руками показала на воображаемый живот, словно обхватила бегемота.

«Без пяти минут папаша», – догадалась Эстер, когда из толпы к ней навстречу рванул коротко стриженный парень, а за ним следом, подпрыгивая, дама с кудряшками и китайским веером. По тому, как он легко и сноровисто в два прыжка одолел расстояние метров в пять, видно было – то ли вояка-контрактник, то ли спортсмен, или на худой конец, охранник.

– Куда?! – властной рукой остановила на лету бегуна пышнотелая дама с глубоким декольте, из которого виднелись колыхавшиеся, словно созревшее тесто, груди. – Стоять! – грозно скомандовала она, показав глазами на дверь со значком в виде вытянутого вверх треугольника.

ГЛАВА 2

Эстер выскользнула из набежавшей толпы родственников невесты, которая, похоже, торопилась стать матерью скорее, чем законной супругой. Оскар по-прежнему подпирал колонну в стиле ампира из искусственного белого мрамора и водил пальцем по экрану своего телефона. Он был, как обычно, невозмутим, и вся эта суматоха возле дамской комнаты его не трогала. Если он вообще заметил, что там произошло.

«В принципе, – мелькнула в голове мысль у Эстер, – можно совсем незаметно просочиться на улицу и спокойно пойти себе домой. Интересно, он через какое время заметит, что невеста его пропала?»

Да, Оскар Штейн на пылко влюбленного Ромео никак не тянул. «Характер нордический, выдержанный...» – запомнилась Эстер фраза из старого фильма. Потомок балтийских немцев, чем Оскар отнюдь не кичился, просто изложил еще в начале знакомства как факт, был светлоглаз, белокож, обладал не слишком пышной шевелюрой неопределенного рыжеватого оттенка и явно имел избыточный вес.

– Красава! – съязвил Марк после того, как увидел Оскара впервые.

– Мне казалось, что тебе всегда нравился другой тип мужчин, – осторожно заметила Мириам.

– По крайней мере неглуп, – заключила Маргарита Львовна, «погоняя», как истинный историк музыки, избранника Эстер по музыкальным жанрам.

Шнитке, как оказалось, для него был слишком сложен, Моцарта он, напротив, считал слишком легковесным, а вот Генделя уважал.

– А как насчет последнего альбома Рамштайн? – огорошила его Маргарита Львовна.

Оскар явно был озадачен вопросом, а потому медлил с ответом

– Простите, не слышал, – признался он в итоге.

«Скорее, и не знал, – добавила мысленно Эстер.

– Ты уверена, что это тот человек, который тебе нужен? – задал напрямую один-единственный раз вопрос отец, не став ходить вокруг да около.

Да, это было то, что нужно. Именно то, что нужно. Выбери она какого-нибудь красавца-атлета, сразу было бы ясно-выходит замуж в отместку. А когда жених внешне не блещет, никто не упрекнет тебя в уязвленном самолюбии.

– Ты прямо, как героиня одного романа. Та задалась целью выйти замуж за самого глупого парня. Завела себе даже блокнот, где после свидания с очередным ухажером отмечала все достоинства и недостатки своих женихов. Про одного так и написала: глуп. Но не настолько, чтобы выйти за него замуж, – рассмеялась Мириам и тут же осеклась, заметив серьезное лицо сестры.

Редактору-то было все равно. Точнее, он просто не знал о буре чувств, переживаемых рядовым корреспондентом новостей телевизионного канала. Она не показывала виду, он не делал никаких намеков. Ни разу за три года, что работали вместе.

По началу, когда Эстер только появилась в редакции, тексты ее репортажей он читал с улыбкой, которую прятал, затягиваясь очередной сигаретой.

– Что ты, как пионерка пишешь?

– А что? – Эстер делала невозмутимый вид и вызывающе смотрела на редактора, стараясь не показывать, что задета его словами.

– Слишком восторженно, – решил он поубавить ее репортерский пыл.

В другой раз он сделал ей довольно резкое замечание, когда Эстер раз в десятый, наверное, подошла к нему с вопросом, как договориться об интервью с одним чиновником из муниципалитета, который под разными предложениями увиливал от встречи.

– Говорю в первый и последний раз, – Редактор откинулся в кресле и посмотрел своими полуприкрытыми, словно от вечной усталости, глазами на Эстер. – Если ты стоишь перед закрытой дверью, то это твое дело, как ты в нее войдешь: вежливо постучишься, откроешь ногой, проползешь ужом через щель. Только запомни раз и на всегда... – тут он сделал паузу, явно для усиления последующего эффекта, – только не звони редактору с идиотским вопросом «что мне делать?!» Никогда! Поняла?!

Эстер в тот момент явственно ощутила, что означает сравнение «смотреть как кролик на удава». Но не растерялась. Заметила круглую вазу с конфетами на редакторском столе, взяла одну и сунула в рот.

– Ага! – послушно кивнула ему головой и вышла.

Но по большому счету, он к ней никогда особо не придирался. Иногда даже хвалил. Но редко. Считал, что похвала только расхолаживает работников. А вот к Ленке, что в редакции «сидела на культуре», ту постоянно заваливал замечаниями по тексту.

– Да он просто глаз на меня положил, – самоуверенно констатировала та и нарочно прошла мимо открытой двери его кабинета модельной походкой от бедра, демонстрируя длинные ноги, затянутые в узкие джинсы.

Эстер ни на секунду не сомневалась, что Редактору и в голову ничего подобного не приходило, но разуверять Ленку, однако не стала. А та то и дело поглядывала в сторону Редактора долгим с мечтательной поволокой взглядом, подсаживалась к нему поболтать на корпоративных вечеринках, якобы, ненароком касалась плеча, стряхивая воображаемые пылинки. Но все это не находило должного отклика у Редактора.

Он был женат. Правда, за несколько лет тесного сосуществования в одной команде, он успел развестись, обрести новую страсть и в очередной раз оказаться на грани разрыва романтических отношений. На этом переломном моменте их и застал ливень в далеком маленьком городке, куда они вдвоем потащились на раскопки диггеров, обнаруживших немецкий военный «мессер».

– Ты сапоги резиновые взяла? – Редактор посмотрел на ее совсем еще новенькие светло-серые *Nike*.

Эстер совсем и позабыла про сапоги. Да и не было у нее никаких резиновых сапог.

– Держи, – один из парней-копателей, – протянул ей здоровенную пару размера, наверное, 45-го.

Дело было весной. Но накануне после непродолжительного потепления, погода раскапризничалась, просыпала мокрым снегом. В городе от кратковременного циклона уже и след простыл, а в лесу белая насыпь еще лежала. Эстер уверенно зашагала вслед за всеми вглубь лесной чащи пока не угодила в болото. Заснеженная его поверхность была обманчивой, выдавала себя за бугристую лужайку, покрытую кочками. Одной ногой Эстер провалилась по колено в болотистую жижу, другой осталась стоять на травянистом бугре. Редактор, который шел за ней следом, помог вытащить из чавкающей хляби ногу, затем утопший сапог. Вылил из него воду и, поддерживая Эстер за руку, заново натянул сапог на ногу в промокшем носке. До обломков «мессера», покоившихся на дне старой воронки они добрались, отсняли часовой исходный материал. На выходе из леса их застал ливень. Деревья стояли еще голые, редкие разлапистые ели, под которыми по началу старались укрыться, оказались плохой защитой. Дождь стоял стеной. Деваться было некуда, пришлось выбираться к машинам. Когда, наконец, сели в редакторский Рендровер, оба были промокшие до нитки.

– На, переоденься, – он вынул из дорожной сумки свитер и протянул его Эстер. – А то еще воспаление легких схватишь мне.

Он говорил это в своей обычной недовольно-грубоватой манере, но Эстер чувствовала, что все это скорее напускное.

Она юркнула на заднее сиденье и прежде, чем скинуть с себя мокрую одежду, взглянула в зеркало заднего вида, поймав его взгляд.

– Да, не смотрю я... – отвел он глаза, чтобы не смущать Эстер.

В городе остановились, чтобы перекусить, и он поставил перед ней стопку водки. Эстер замотала головой.

– Пей я сказал! – он настойчиво пододвинул к ней стакан еще ближе. – Пей, а то точно простудишься. Или ты что, вообразила, что я тебя сейчас напою и приставать начну? – рассмеялся он.

– А точно будешь? – Эстер залпом опрокинула стопку, уткнувшись носом в краюшку черного хлеба.

На следующий день он неожиданно принес ей томик Муроками. «Мой любимый спутник».

– Мне кажется, это то, что тебе сейчас нужно.

Больше они ни разу об этом не говорили.

Эстер взглянула в зеркало в стенном проеме, поправила волосы, которые утром часа два утюжила парикмахер, превращая ее пружинистые кудри в мягкие волны, собранные кверху, пересыпанные мелкими маргаритками, заколотые в локоны.

– Ну где же ты? – Оскар, наконец, оставил в покое свой мобильник, отправившись на поиски затерявшейся в толпе невесты.

Эстер заметила на его лбу мелкие бисеринки пота.

– Жарко здесь, – он, поймав ее взгляд, вынул из кармана белоснежного смокинга четырехугольник такого же безукоризненно белого накрахмаленного носового платка и промокнул лоб.

– Ничего, скоро все закончится, – попыталась приободрить его Эстер.

Только когда произнесла эту фразу, до нее вдруг докатился истинный смысл сказанных слов. Сожаления в этом никакого не было, тоски тоже, но и облегчения от того, что долгие предсвадебные хлопоты и суета вот-вот дойдут до своего победного финала, она не испытывала.

Их пригласили в служебный кабинет. Исключительно для формальной сверки документов и краткого инструктажа предстоящей церемонии. Но когда вся их немногочисленная процессия выстроилась перед высокими дверями с резным позолоченным декором, Эстер, позабыв все наставления, встала по правую руку от Оскара. Служащая ЗАГСа, готовая уже распахнуть двери зала, кинулась тут же исправлять оплошность невесты. Взяв Эстер за руку, словно неразумного ребенка, переставила ее по другую сторону от жениха. Подхватив Оскара под руку, Эстер показалось, что от пота увлажнился даже рукав его костюма. В этот момент она вдруг явственно ощутила, как холодной ящеркой откуда-то от груди к животу скользнуло чувство глубочайшего одиночества, от которого все сжималось внутри и хотелось свернуться в клубок, поджав колени к подбородку и накрыв голову руками. Так она делала в детстве. Такое случалось нечасто. Когда Эстер впервые испытала это, она не помнила. Но всегда с тревогой переживала этот момент.

– Что-то случилось? – Оскар заметил, как она поморщилась от своих ощущений.

– Ерунда, – успокоила она скорее себя, чем его, – ногу новыми туфлями, кажется натерла, – соврала она.

Мириам, вспомнив в последнюю секунду, сунула ей в руку перевязанный шелковой лентой букет невесты из миниатюрных нежно-розовых маргариток – точь-в-точь, как заколки в ее волосах.

Двери, наконец, распахнулись и под торжественные звуки марша Мендельсона новобрачные шагнули в зал церемоний.

– ... является ли ваше желание свободным, искренним и взаимным, с открытым ли сердцем, по собственному ли желанию и доброй воле вы заключаете брак?

Большая половина речи регистраторши- дамы в элегантном золотистом спенсере и синей шелковой юбке в пол – пролетела мимо ушей Эстер. В зале стоял удушливый до дурноты запах лилий, что еще немного и ей казалось, она упадет в обморок. Время тянулось, как жвачка изо рта. Включилась она в происходящее только тогда, когда сотрудница ЗАГСа уже заканчивала говорить.

– Прошу ответить вас, жених...

– Да! – воодушевленно, как примерный ученик, ответил Оскар, проглотив комочек волнения, застрявший в горле.

Эстер заметила, как нервно дернулся кадык на его мясистой шее. Оскар преданно смотрел на регистраторшу.

В эту минуту он вдруг показался Эстер настолько трогательным, поблескивая стеклами своих очков в тонкой оправе, что она невольно почувствовала себя прямо какой-то мерзкой Элен Курагиной, обманывавшей добродушного увальня Пьера Безухова.

– Прошу ответить вас, невеста...

Дама с кожаной папкой в руках, в которой лежала, наверное, ее церемониальная речь или какие-то бумаги, которые подписывают потом новобрачные, выжидательно смотрела на Эстер.

А она, все еще медля с ответом, продолжала стоять в немой тишине, не успевая за потоком своих мыслей, стремительно, как сход ледника, ломавших и перемальвающих все, что до последней секунды казалось правильным и верно выстроенным в ее жизни.

Эстер вдруг твердо развернулась на каблуках, будто подчиняясь какой-то внутренней команде. Бросила короткий взгляд на Оскара, который явно не понимал, что происходит, и деревянной походкой устремилась к двери. Уже почти дойдя до нее, Эстер, словно опомнившись, сунула свой букет Марку, который машинально принял его, еще тоже ничего не соображая, и, задержавшись возле него ровно на секунду, она резко, будто ей в спину дунул мощный торнадо, рванула наружу.

Все, кто был в зале, по началу не поняли, что происходит, и куда это невеста помчалась прямо из-под венца. Первым, кто сообразил, в чем дело, был Марк. Реакция у него сработала быстрее, чем у остальных. Замначальника Управления криминальной полиции! Для него святое дело – догонять.

Отбросив уже никому не нужный невестин букет в сторону, он устремился за Эстер.

Букет скромных маргариток, описав в воздухе дугу, упал в руки спутницы отца новобрачной – Маргариты Львовны Шварц, преподавателя Музыкальной академии, от тонкого слуха которой не укрылась фальшь скрипки одного из ее бывших студентов.

ГЛАВА 3

Выскочив из зала и едва не сбив с ног ожидавшуюся у дверей своей очереди новую пару молодоженов, Эстер опрометью бросилась на улицу. Люди, толпившиеся в фойе, провожали беглянку удивленными взглядами. Только когда дворец бракосочетаний оказался позади, она на миг замерла, судорожно соображая, в какую сторону бежать дальше.

Мысль о непоправимости только что совершенного шага быстрым вихрем пронеслась в голове и тут же улетучилась. Это было, как прыжок с высокого утеса когда-то в детстве. Ей было лет восемь. Это тогдашний приятель-сосед по дачам Виталька подбил ее прыгнуть в реку. Взял, что называется, «на слабо». Она с разбегу и прыгнула. А потом было долгое, как ей показалось, погружение в темную от ила воду, в которой колыхались длинные зеленые стебли травы. Словно волосы какого-то гигантского существа, опустившего голову в реку, – подумала тогда Эстер. Она провела по стеблям травы рукой, как по струнам арфы. Растения отозвались на ее прикосновение плавным покачиванием. Здесь, под водой было тихо и на удивление спокойно. Она мягко коснулась ногами бархатистого песочного дна, словно опустилась на теплую постель. Казалось, что сейчас чьи-то ласковые руки коснутся ее, и нежно, убаюкивающе поглядят по голове. Откуда-то из глубин памяти всплыло слово: мама. Эстер взглянула вверх, надеясь увидеть ее лицо, но там, над поверхностью воды плескалось только солнце, к которому длинной ниткой бус тянулись пузырьки воздуха из ее рта, и вот тогда стало вдруг страшно. Она отчаянно замолотила руками и ногами, отталкиваясь от дна, и с хрипом глотнула свежего воздуха, когда, наконец, сумела выбросить свое тело на поверхность воды. Виталька не понял тогда, что, собственно, произошло. А они потом еще долго бродили по окрестным садам, обрывая терпкие груши-дичок и кислый, еще недозревший белый налив, выжидая, пока у Эстер высохнут волосы и купальник. Узнай Мириам, что они без спросу одни отправились на реку, взгрела бы ее так, что мало не показалось.

Эстер бежала, жадно хватая пересохшим ртом горячий воздух, не глядя в слепые глаза смиренных кариатид на старинных фасадах и не замечая холодных взглядов, которыми провожали ее маскарены над порталами. Обернувшись, она увидела через плечо, как Марк прямо по-спринтерски догоняет ее, но от того, что бежать надо было еще быстрее, ноги слушались почему-то все меньше, будто взяли в асфальте. Длинное платье путалось между ног, а туфли на высоченный каблук грозили вывихом лодыжек.

Марк почти уже нагнал ее. Еще немного и он смог бы коснуться рукой ее плеча, крепко сжать и остановить. Неловко подпрыгивая, рискуя споткнуться на бегу, Эстер стянула с себя туфли и, сжав их в руках, побежала босиком, обжигая ноги о раскаленный асфальт.

Вслед за Марком неслась орава родни и знакомых. Оскар заметно отставал, ему приходилось время от времени замедлять шаг, приостанавливаться.

«Да, не спринтер и даже не марафонец», – отметила про себя Мириам, нагоняя не привычного к таким пробежкам незадачливого жениха.

– Давай, Осик, шевели своим тохес!¹ Цигель-цигель! Невеста-то сбежала!

Мириам сама от себя не ожидала такого бесцеремонного отношения к Оскару, держалась с ним всегда подчеркнуто вежливо, а тут вдруг откуда-то выскочило это ироничное, позаимствованное у Эстер, – «Осик».

– Все, не могу! – замедляя и без того не быстрый бег, взмолился Оскар и остановился, понимая, что Эстер ему не догнать. Наклонился, тяжело дыша, упираясь руками о колени.

¹ Тохес (идиш) – зад

А Эстер все бежала, не разбирая дороги. Мимо проносились террасы кафе, ресторанов, откуда дхнуло на нее запахом жаренного на углях мяса, цветочница с тележкой, нагруженной растрепанными хризантемами и благоухающими букетиками цветного горошка, пестрыми ирисами и скромниками-васильками; уличный саксофонист, протяжно выдувавший *Stranger in the night*, поток прохожих, который Эстер рассекала, как ледокол толщу льда. От бегущей за ней процессии многие шарахались в сторону, недоуменно провожая взглядом растянувшуюся по улице цепочку людей.

– Черт! Только этого не хватало!

Эстер умудрилась зацепиться за угол террасы и торопясь вытащить застрявший в деревянном настиле подол, отчаянно дергала за платье.

– Эстер!

Грозный окрик нагонявшего ее брата заставил действовать без промедления и решительно. Эстер рванула, что есть силы за подол, оставив лоскут зацепившейся органзы, между досок.

– Стой!

Это уже Мириам кричала Марку, стремительно приближаясь к брату.

– Я убью ее! – он вынул из кобуры, спрятанной под смокингом, свой табельный Глок.

– Стой! – Мириам бросилась ему наперерез, раскинув в стороны руки. – Ты что, больной на всю голову?! Пусть бежит. На кой ей этот шлимазл² сдался, а? Ты-то из себя фраера не делай!

Дуло пистолета маячило перед ней, но страха не было. Мириам больше беспокоило, что это зрелище привлечет внимание окружающих. Кое-кто из прохожих уже нацеливал на них объективы своих телефонов, намереваясь запечатлеть зрелищную сцену.

– Мария? Ты ли это? Я тебя не узнаю, – сделанным изумлением воскликнул Марк, но опустил пистолет. – Сразу столько слов?! И каких? Мама дорогая! А я-то думал, что ты у нас единственный в семье приличный человек!

– Все, заканчивай этот цирк. А то еще папа увидит.

Мириам заметила, как к ним приближается отец, стараясь не показывать своей явной одышки, а за ним следом бежит Маргарита.

– Ты прям, как школьница, которую приятель тискает в углу: главное, чтобы только папа не увидел! – Марк скривил рот в едкой усмешке, но спрятал свой Глок под смокинг.

– Спокойно! – обратился он к окружающим, замедлившим было свой шаг при виде человека с пистолетом. – Это-кино. И немец вот сзади ковыляет, – обернулся он навстречу Оскару, замыкавшему всю эту свадебную процессию.

Эстер продолжала бежать по инерции, сбивая ноги о грубую брусчатку, не оглядываясь и не зная, продолжается ли за ней погоня. Оказавшись на какой-то узкой улочке, где едва мог пройти один человек, она, наконец, остановилась, чтобы перевести дух. Здесь было тихо, пахло застоявшейся в тепле сыростью, глухие стены домов с редкими маленькими окошками отгораживали этот мощный коридор от соседних оживленных улиц. Взгляд Эстер скользнул вверх, к голубой полоске неба, прочерченной вдоль черепичных крыш. Из-за печной трубы медленно выплывало клочковатое ватное облако. На какое-то мгновение она прикрыла повлажневшие веки, чувствуя, как от правого виска к щеке пробежала, как слеза, струйка пота. Когда она снова открыла глаза, все вокруг изменилось. Дневной свет померк, словно догорающая лампочка, которая вот-вот потухнет. Или будто гигантская птица накрыла город своим черным крылом. А, может, Эстер простояла вот так не минуту, а часы, не заметив, как время совершило свой стремительный скачок, резко крутанув стрелки циферблата?

² Шлимазл (идиш) – недотепа

–Вы хотите зайти? – раздался где-то рядом мягкий голос.

ГЛАВА 4

Человек в черной сутане священника распахнул перед Эстер неприметную скромную дверь, приглашая войти. Прижимая туфли к груди, она осторожно шагнула вовнутрь и замерла, переступив порог. Где-то за ее спиной щелкнул выключатель и помещение осветилось желтоватым светом матовой лампы под скромным конусом абажура под потолком.

Небольшая комната с дощатым, выкрашенным светло-серой краской, полом, скамья со спинкой из темного дерева, такого же цвета невысокая этажерка с книгами, на обложке одной была фотография Папы Римского Франциска, канделябр на высокой ножке с тремя свечами. Эстер обернулась и узнала в священнике настоятеля церкви Святой Марии Магдалины.

–Здравствуйте, отец Эдуард, – вспомнила она его имя.

–Мы где-то виделись с вами... – настоятель вглядывался в лицо Эстер.

–Да, зимой. Мы у вас здесь снимали репортаж о фресках Кастальди³.

– А! Правда! – Он хлопнул себя по лбу. – Я не сразу вас узнал. Затмение! – он как-то по-мальчишески легко рассмеялся своему каламбуру.

Сорока с небольшим лет, рыжий, с веснушками, рассыпанному по лицу, серыми глазами в лучиках мелких морщинок, выдававших в нем человека улыбчивого, он совсем не походил на строгого священнослужителя, каковыми кажутся духовники. Отец Эдуард любил посмеяться, ценил хорошую шутку и не напускал на себя менторский тон в общении с мирянами. Таким он запомнился Эстер после той встречи в храме. Дело было под Рождество. В церкви пахло еловой хвоей. Отец Эдуард показывал им Священный Вертеп с младенцем Иисусом в окружении принесших дары волхвов и пел рождественские гимны. У него оказался неплохой баритон. А потом они вместе с оператором карабкались на леса, где настоятель храма показывал фрагменты старой росписи, которая сантиметр за сантиметром открывалась под руками художников-реставраторов, осторожно расчищавших поверхность церковной стены от столетних слоев краски, скрывавших их первоначальный вид.

–Хотите чаю? – неожиданно предложил отец Эдуард, ведя ее за собой во внутренние служебные помещения храма. – У меня есть отличный тимьяновый чай. В жару очень помогает.

Эстер согласно кивнула. В горле и вправду пересохло от этой беготни по улицам.

Она присела на кресло без спинки с иксообразными ножками и, смахнув с грязных до черноты пяток прилипшие крошки мелких камешков, надела туфли. Подошвы ног, стертые от бега босиком, горели, будто она прошла по углям.

Отец Эдуард не мог, конечно, не заметить ни ее растрепанных волос, из которых осыпалась половина заколок-маргариток, ни разорванного подола свадебного платья, ни туфель, зажатых в руках, но ни словом, ни взглядом не выдал своего удивления ее видом. Видимо, считал, что Эстер, если захочет, сама расскажет, как и почему она оказалась у дверей его церкви.

–Вас зовут... простите, запомнил, – священник поставил перед ней фарфоровую цвета кобальта чашку, из которой струился ароматный парок тимьяна.

–Эстер.

Сел отец Эдуард не за свой массивный письменный стол, на котором громоздились книги и бумаги, а напротив Эстер на стул с высокой спинкой.

Она помнила еще по прошлой встрече рабочий кабинет настоятеля церкви со старым книжным шкафом со стеклянными дверцами, вешалкой с изогнутыми рожками и так по-будничному булькающему закипающему электрочайнику. Похоже, что вся меблировка комнаты пережила уже не одного хозяина и переживет еще, наверное, с десяток. Если бы не эбонито-

³ Филиппо Кастальди (1710 – 1785) – итальянский художник-портретист периода позднего барокко, работавший в основном в Южной Италии и Польше.

вое распятие за массивным кожаным креслом у стола, сразу и не догадаться, что это обитель священнослужителя.

– Значит Эсфирь... – отец Эдуард задумчиво покрутил чашку. – Красивое имя: Эстер. Не часто встречается.

– Маму так звали...

– В Риме в Палаццо Паллавичини есть рисунок, который долгое время приписывали Боттичелли, – отец Эдуард посмотрел в глаза Эстер. – Позже выяснилось, что он принадлежал другому, не менее талантливому художнику Филиппо Липпи. Так вот у этого Липпи есть невероятно красивый портрет этой главной героини Ветхого Завета – Эсфири. Ее изображения украшали когда-то сундуки с приданым. Она должна была служить невестам образцом женского смирения.

– Это не про меня, – Эстер горько усмехнулась, вспоминая, как она не более, чем час назад удрала со свадебной церемонии. – Я сбежала от жениха. А сейчас уже не уверена, что поступила правильно. Может, я сделала ошибку? – она вопросительно посмотрела на священника. – вы осуждаете меня?

– Вас никто не вправе осуждать. И кто я такой, чтобы делать это?

– Но сейчас мне кажется, что я поступила глупо. Даже подумать боюсь, что там сейчас творится...

Эстер явственно представила расстроенного отца, Маргариту Львовну, Мириам... Осик, наверное, ее проклял. Единственный, кто ее побегу уж точно рад, так это Марк, – была уверена она.

– Совершить ошибку – еще не самое страшное, – прервал ее размышления отец Эдуард, – куда страшнее пребывать в заблуждении, что поступаешь правильно. Благими намерениями, сами знаете...

Эстер кивнула.

– Время все расставит по своим местам, как бы это банально не звучало. Поверьте мне, – отец Эдуард пододвинул к ней вазочку с бисквитным печеньем.

– Вот это меня и пугает...

Эстер, повертев в пальцах печенье, надкусила его чисто машинально, не чувствуя даже вкуса.

– Что именно? – священник пылливо смотрел на нее.

– Время... Неизвестность... Будущее...

Эстер уткнулась взглядом в пол, боясь поднять глаза на отца Эдуарда.

– Может, я покажусь вам фаталистом, – усмехнулся он, – но в жизни происходит именно то, что и должно произойти.

– То есть, мой побег со свадьбы был, по-вашему, неизбежным? – Эстер, наконец, решилась посмотреть настоятелю церкви в глаза.

– Скажем так, он, вероятно, был закономерным. Как говорится, лучше поздно, чем никогда и лучше раньше, чем позже. И корить себя за это не надо.

– А как же чувство вины? – удивилась Эстер.

– Корить и раскаиваться – это все-таки разные вещи, – заметил священник.

Он категорически не принял ее отказа и вызвал такси прямо к дверям церкви.

– Мне не удобно как-то... – Эстер и вправду почувствовала смущение, что с ней случилось редко, когда свалившись, как снег на голову, практически незнакомому человеку, вынудила его заниматься ее проблемами.

– Куда неудобнее будет вам идти по улице... – отец Эдуард поспешил спрятать свою улыбку, чтобы еще больше не смутить ею свою гостью.

Эстер инстинктивно оправила подол платья с выдраным куском ткани. Только когда она уже садилась в машину, священник перекрестил ее в спину.

ГЛАВА 5

Я чувствовала себя отвратительно. Блин, не то слово. Мне было хреново. Потратить тучу времени, чтобы просмотреть эту бесконечную программу на TLC «Оденься к свадьбе», или как она там называлась, выбрать, наконец, то самое платье, которое хотела, а оно просто больных денег стоило, и теперь вон оно, висит на перекладине вешалки с выдраным куском подола. Я –то думала по началу взять что-нибудь на прокат. Ну не паль, конечно, какую-нибудь, а что-то приличное, но отец настоял, чтобы платье было исключительно мое.

«Оставишь на память», – заверила меня Маргарита. Да уж, прямо черная метка в моем мозгу: не ходи, девка, замуж.

После всей этой беготни по городу, я часа два еще отмачивала в ванне свои изгвазданные ноги. Я так не бегала, кажется, с универа. Да что там с универа! Я и в школе так не бегала. Наматывать круги по стадиону как-то не канало.

Помню, в классе седьмом, кажется, у нас придумали какую-то шнягу с ориентированием по лесу. Я сразу поняла тогда, что из этого леса точняк не выберусь. Это с моим-то прогрессирующим с возрастом топографическим идиотизмом! Мне бесполезно давать в руки карту. Сколько бы я в нее, как овца, не пялилась, толку никакого. Я и в трех соснах заблудиться могу. Реально. GPS тоже можно сразу в топку отправлять. Я, хоть убейте меня, ничего не понимаю, что он там бухтит. «На дороге с круговым движением съезжайте с четвертого съезда». Я и съезжаю на четвёртый, а это оказывается ни хрена никакой не четвертый, а третий. А бабца в этом навигаторе все лопочет: «Вы отклонились от маршрута». И мне нравится, но это в больших кавычках «нравится», как Марк при этом орет, что я, блин, даже считать в школе не научилась. Орет, а сам при этом предлагает научить меня водить машину.

Да, ладно. Реально, лес был не для меня. А тот кросс мы бежали вместе с подружкой моей Волковой. Наташка-это та еще чудила. Ну, в общем, побежали мы. Карты в руках, типа, мы в них что-то соображаем. А мы тупо пялимся с Наташкой во все эти кружочки, пунктиры, линии там всякие, короче, смотрим мы на всю эту хренотень и понимаем, что мы на самом деле ни хрена ничего не понимаем. Что мы, блин, никуда не добежим. То есть, никогда! А Наташка говорит, такая, давай, включай внутренний локатор. В смысле, будем действовать по интуиции. Ага! Щас!

Мы забрели в какую-то глухомань, продирались через черт знает какой бурелом. У меня все руки потом от каких-то кустов деручих были покоцаны. Забрели мы на опушку, а там, глянь, диво-дивное- старая тахта валяется. Пружины из нее повыскакивали. Мы, две дуры, еще успели на тахте этой попрыгать. Я душу отвела. С детства уже так не резвилась. Когда мелкая дома прыгала на диване, Машка все время вопила: слезь, прекрати, только пыль столбом понимаешь. Пыль там была, не спорю, но не так, чтобы ее было много. Машка каждую неделю по этому дивану елозила пылесосом.

А прыгать на диване-кайф. Когда отталкиваешься от его пружинистой поверхности и подскакиваешь вверх, вот в этот момент, всего лишь полсекунды какие-то, когда ты оказываешься в воздухе, тебя охватывает ощущение абсолютно беззаботного счастья. Такое бывает только в детстве. В последний раз я такое испытала, наверное, на той самой чертовой тахте в лесу.

Думаю, гринписовцы тем, кто эту рухлядь туда притаранил и бросил, – на кой ее вообще надо было тащить в лес? – руки бы пообрывали. Лично я бы так и сделала. Берегите природу, мать вашу!

Физрук нас с Наташкой по лесу разве что с собаками не искал. К финишу мы с Волковой добежали, ессесно, последними. Метров за пять Наташка еще умудрилась ногу подвернуть и распласталась поперек дорожки. А я, блин, на бегу споткнулась о нее и рухнула попе-

рек Наташки. Это был финиш. Впереди маячили голубые флажки. Физрук, у которого уже не хватало нормальных слов, свиристал в свой свисток, как подорванный. Кросс мы с подругой Волковой завалили.

Славное было время. Иногда мне хочется вернуться назад.

А сейчас я вот лежу в ванной, отмокаю от кросса по городу, чувствую, как от воды покалывает стертые подошвы моих ног и нахожусь в полной фрустрации.

В память врезались все до единого лица в тот момент, когда я шла через весь зал, там, в ЗАГСе. Осик, помню, смотрел как-то удивленно. Может, решил, что мне, может, в сортир приспичило? Да-да. Прямо в ту самую минуту, когда еще чуть-чуть и на моем безымянном пальце оказалось бы кольцо. Осик настоял, чтобы на внутренней поверхности колец сделать гравировку с датой свадьбы.

Я видела лица отца и Маргариты. Отец слегка сдвинул брови, как это он делает, когда происходит что-то неподвластное его пониманию. Маргарита Львовна, наоборот, показалась мне даже восторженной, с какой-то чертовщинкой в глазах. Невероятная женщина! На седьмом десятке сохранить такую девичью непосредственность!

У Машки на лице застыл немой вопрос: что происходит? Марк же взирал на все поверх своих очков *Ray Ban* настороженно. В этих выпендренных очулярах он мне напоминал Киану Ривза из Матрицы. Ему только черного плаща не хватало! Пижон.

Лучше бы я всего этого не видела. В близорукости тоже есть свои преимущества. Особенно, если ты такой трушный крот, как я. И у тебя на каждый глаз приходится по минус пять.

В школе, помню... Опять, блин, эта школа...

Ну это ж понятно даже любому диванному мозгоеду, что все у нас претя из детства. Это, как по старику Фрейду.

Короче, в школе еще заметила, что со своей третьей парты ни хрена не вижу, что написано на доске. Перепендюрилась тогда на первую. Прямо, как отличница. Сидела у исторички под самым носом. А дама она, надо сказать, была истеричной. Звали ее Ирина Ивановна. Для меня же она была всю дорогу Истерией Ивановной. Походу, страдала она мигренями, и я каждый раз угадывала, когда на нее накатывал очередной приступ. В классе стоял одуряющий духман от китайской «звездочки». В такие моменты я задницей начинала чувствовать, что запас эндорфинов у исторички на нуле, и она сейчас начнет кошмарить класс. По ее лицу с застывшей маской боли я читала, как по книге, что перед ней скопище дебилоидов, которым до балды, что творится в этом грешном мире на протяжении веков. И тут она вдруг вскидывается и мечет в класс, как фашист гранату, вопрос: кто написал поэму «О природе вещей»? И смотрит на всех нас таким коршуном. Всех паралич разбил под этим хищным взглядом, застыли, как суслики. Даже отличники наши молчат, пребывая в полной амнезии. А я не лезу. У нас же, блин, иерархия была, мать ее за ногу. Не высовывайся раньше других. Тех, кто с первого класса тянул руку прямо училкам в лицо, еще не зная даже, что спросят. Ну, я сижу и помалкиваю. Истерия поводит большими глазами, затеяла, видать, что-то недоброе. И тут я такая:

– Тит Лукреций Кар.

– Кто сказал? – взревела Истерия.

– Отлично! – рывкнула она, отыскав меня взглядом.

Не, не то, чтобы я была шибко умная, просто книга Лукреция, которую я уже давным-давно заметила в отцовской библиотеке, с детства не давала мне покоя. Это была старая в коричневатой потертой обложке книга с пожелтевшими страницами, переложенными пергаментом. Еще какое-то довоенное издание. Не знаю, почему, она меня всегда завораживала.

– Кар-р-р! – передразнил меня из-за спины Димка Лукницкий.

Да, блин, я к тому же тогда еще картавила. Поэтому произнести имя, в котором целых две буквы «р» – это, может, и не подвиг. Но что-то героическое в этом определенно было.

– Ты не картавишь, ты грассируешь, – успокаивала меня Маргарита.

А я, как только научилась говорить, даже имя ее толком не могла произнести. Называла «Манганита». Про свое «Эстер» я вообще молчу.

Но однажды моя близорукость сыграла со мной коварную шутку. Корч, шли мы как-то с моей одноклассницей Наташкой со школы. А я мало того, что слепая, так еще сердобольная. Иду и вижу: возле подъезда девчонка какая-то вроде как кота терзает, носом его в землю тычет. Я крылья расправила, ноздри раздула, чувствую, как мои надпочечники бешено качают в кровь эпинефрин, мчусь к девчонке коршуном, думаю, я тя мразь, сейчас точно убью. Пере-спрашиваю подружку свою Наташку: «Точно это шелупонь котенка душит?» – «Да, точно», – отвечает Наташка. Ну думаю, ах ты ж самка собаки... Подлетаю. «Девочка, – тихо так вежливо говорю, – девочка, ты что же коту мучаешь?! И тут она поворачивается ко мне, и я вижу, мать моя женщина: бабушка, прости господи, божий одуванчик с лопаткой что-то там на клумбе цветочной копается. А Наташка стоит рядом и ржет. Но, как только увидела, что я двинулась с грозной физиономией в ее сторону, побежала, сгибаясь пополам от смеха. А мне перед бабулей этой стыдно так стало.

Да, я никогда не была лучшей ученицей в классе. Мою перспективу на будущее четко обрисовала наша классная. Еще в классе десятом она собрала нас как-то раз всех и давай рас-саживать по рядам. На первом, значит, у нас отличники. На втором- хорошисты. На третьем, ясное дело, те, кто звезд с неба не хватает. Троечники. И только нам с Наташкой Волковой нигде места не нашлось. Я говорю, а нам-то, куда садиться? Наивно так спрашиваю. Сама-то понимаю, что среди отличников мне делать нечего. Хотя у нас там ряд почти пустой. Их всего четверо было. Хорошистов уже побольше. Но сфига мне там сидеть? У меня твердые увесистые тройки по математике, физике и химии. Да, но на третьем ряду, правда, забитом под завязку, мы уж с Волковой как-нибудь поместились бы. И тут классная подходит ко мне и тычет мне пальцем в грудь:

– А тебя ждут газетные киоски.

Ну прям, как в воду глядела. Я еще в универе пристроилась внештатником в газету. Но классная, понятное дело, имела в виду другое...

Вот я и компенсировала свои комплексы вызывающим поведением. На школьную диско-теку могла прийти с ярко-красной помадой на губах. Обрезала волосы и сделала что-то вроде стрижки «каре». Машка меня ругала тогда! А я свои кудри сбрызгивала лаком для волос и высушивала феном. Получались такие пружинки. Обхохочешься. В школе говорили «взрыв на макаронной фабрике».

– Научи меня драться, – заявила я однажды Марку. Он заканчивал юрфак и занимался тэквандо.

М-да... полетала я тогда по комнате. Он раскидал меня по стенкам, как пушинку, пока я его, наконец, не одолела, перевалив через плечо. Это я-то со своим цыплячьим весом в сорок пять кг.

– Ну ты бычара!

У меня потом все тело болело.

– Есть еще способ, если не можешь справиться, – учил он меня. – Бей в пах.

– А что потом?

– Что? Бежать. Потому как нет более разъяренного мужика, чем мужик, которому вре-зали по яйцам.

– Пап, – отец ответил на мой звонок не сразу. Кажется, только на шестой или седьмой гудок он поднял, наконец, трубку.

Я с облегчением и в то же время волнением услышала его отрывистое «да».

– Я очки купила, – я сглотнула тошнотворную слюну, подкатившую к горлу.

– И как теперь? Лучше стало?

Вот, что значит мой отец: мог ведь с тревогой сейчас расспрашивать, куда, мол, подевалась, что случилось, или вообще устроить допрос с пристрастием. Но это, скорее, по части Марка. Этот бы точно припер к стенке и давай давить мозг, как пресс для цитрусовых: где, когда, что, с кем?

Нет, отец такого никогда не делал. Даже в самый мой зашкварный пубертатный период, когда тебе кажется, что ты уже офигительно взрослый и самостоятельный и незачем отчитываться перед родаками.

– Да, пап, теперь я вижу отлично. По крайней мере очки – не линзы – можно снимать и надевать, когда захочешь.

– Ну ты же знаешь, дочь, выбор-непростая штука, – усмехнулся отец.

–Еще страшнее, пап, когда ты его не видишь, выбор-то этот.

Я взглянула в зеркало. На меня смотрела девушка с собранными в пучок волосами и грустными глазами в больших очках в черной оправе. Я попыталась растянуть рот в улыбке, но по лицу в отражении зеркала текли слезы.

ГЛАВА 6

Марк, заметив, как Мириам, глянув через плечо, поймала его на том, что он читает ее колонку в журнале «DG», с обзором лучшего виски года, тут же перевернул страницу. Издание, в название которого легли имена Ветхозаветных героев Давида и Голиафа, было ориентировано на мужчин-метросексуалов.

– «Какая часть тела тебе нравится больше всего? – Мои большие глаза», – прочитал он выдержку из интервью под снимком девушки в индийском сари, верхняя часть которого едва прикрывала ее грудь. – Разве глаза – это часть тела? – Марк вопросительно взглянул на сестру.

Мириам равнодушно пожала плечами.

Марк зачерпнул пальцем из банки вишневое варенье и слизнул его, за что получил от Мириам легкий шлепок по руке.

Она выкладывала на деревянный поднос тарелку с тостами, крошечную розетку с желтоватым кусочком масла, сахарницу, вазочку с вареньем, чашку с кофе.

После расстроенной свадьбы отец стал чаще, будто невзначай, проводить ладонью по левой стороне груди. Год назад он уже перенес микроинфаркт. «Не хватало еще рецидива», – с беспокойством наблюдала за отцом Мириам.

– Он не выйдет?

Марк следил за приготовлениями Мириам, которая собиралась отнести завтрак отцу.

– Открой, – та показала ему глазами на дверь отцовской комнаты.

«Каждый раз одно и то же», – подумал он с глухим раздражением. Стоило ему переступить порог, как отец скрывался у себя. Так продолжалось уже много лет. Не сразу, конечно, все так сложилось. Первая трещина в отношениях появилась со смертью матери. Это случилось при рождении Эстер. Сложные роды, слабое сердце, трехдневная кома. Домой она не вернулась. Марк выглядел замкнутым. Ему было двенадцать. Мириам было на два года меньше. Она по началу долго рыдала в подушку, потом подползла к детской кровати, в которой безмятежно посапывала малышка, долго смотрела на младшую сестренку, поглаживая ее сморщенный лоб, просунув руку через деревянную решетку.

Заниматься тремя детьми, к тому же младенцем, отцу было сложно. Борис Робертович был доцентом кафедры психологии, в университете и целиком был занят научной диссертацией. Теперь же работать приходилось урывками. По утрам нужно было бежать на молочную кухню за детским питанием, кормить, менять подгузники, по вечерам купать и укачивать подолгу. Эстер с первых же дней стала проявлять характер: втиснуть ее в ползунки удавалось с десятой попытки. Пока отец сражался с руками-рукавами, она успевала уже выпрыгнуть из штанин и наоборот. Засыпала с трудом. И только исключительно под «Подмосковные вечера», которые без слов, страшно фальшивя, напевал отец. Колыбельных он не знал, а эта мелодия сама нечаянно полилась с языка и действовала на малышку, как мантра.

Пришлось взять няню. Но та оказалась девушкой нерадивой, Эстер с ней заработала стойкий дерматит из-за опрелостей под памперсами, которые нянька почти не меняла, считая, что непромокаемые подгузники не требуют частой смены. Мириам, сама еще в сущности ребенок, помогала, как могла, но до обеда была в школе, потом приходилось бежать в другую-музыкальную. Она училась по классу фортепиано. У Марка же была своя жизнь обычного мальчишки: приятели, футбол во дворе. Музыкой его не мучили. Мать – учительница музыки сама убедилась, что сыну «медведь на ухо наступил» и не стала терзать его гаммами и этюдами Черни.

Время от времени в доме появлялась подруга матери Маргарита Львовна. Захаживала по старой памяти проведать детей и Бориса Робертовича. Это она обратила внимание на чудовищную опрелость кожи у Эстер и решила во что бы то ни стало поговорить с нянькой. Та ей казалась беспечной и неаккуратной. Маргарита деликатно намекнула Борису Робертовичу,

что стоит поискать более внимательную и опрятную женщину. А пока шли поиски новой няни, вооружившись мазями и присыпками, принялась сама выхаживать вечно орущую маленькую Эстер.

Была Маргарита женщиной одинокой, бездетной, хотя и дважды выходившей замуж. Первый раз неудачно – брак закончился разводом. Второй сделал ее вдовой. Пытать счастье в третий раз она уже не стала. Ушла с головой в работу. Преподавала историю музыки в Консерватории, вела детский лекторий в Филармонии и уроки в одном из городских лицеев.

По рекомендации той же Маргариты Борис Робертович нашел другую няню. Та в малышке души не чаяла, и Эстер ей отвечала взаимностью. Повеселела, раздобрела. Нянька поила ее не просто молоком, а домашними сливками, которые специально покупала на рынке. Даже ненавистную манную кашу, от которой прежде отплевывалась, Эстер уплетала за обе щеки.

Тем не менее Маргарита то и дело заглядывала к Борису Робертовичу и, отпустив по вечерам няню, сама принималась кормить и купать малышку, что-то напевала ей перед сном. К Эстер она привязалась. Та была и вправду очаровательна: с черными огромными глазищами, темными кудряшками и забавным носом-кнопкой. А Борис Робертович с облегчением вздохнул, что может не отвлекаться, вернувшись домой, на ребенка, а заниматься своей диссертацией. Собственно, так было и прежде, до смерти жены, которая как-то успевала работать в школе, подрабатывать еще репетиторством, заниматься домашними делами и детьми.

– Ты еще играешь в куклы? – заметила как-то Маргарита, как Мириам возится с кукольными одежками.

Та смутилась. Брат обычно поддразнивал ее из-за этого, и при нем она никогда к куклам не притрагивалась. Держала их на коробке возле кровати вроде декора.

– Это же хорошо, – успокоила ее Маргарита. – Не надо торопиться расставаться с детством.

Марк по началу визиты Маргариты воспринимал спокойно, даже равнодушно, пока не стал замечать, как отец задерживает ее руку в своей руке, или украдкой, пока их, якобы, никто не видит, приобнимает за плечи. У Марка это стало постепенно вызывать раздражение, потом злость. Маргарита частенько, заглядывая к ним, приносила коробку с пирожными. Так бывало и раньше, еще когда была жива мама. Теперь же Марку это стало особенно бросаться в глаза. Однажды, во время чаепития, он, надкусив песочную корзиночку, наполненную воздушным сливочным кремом, вдруг демонстративно сморщился, словно во рту у него оказалась какая-то гадость, живописно выплюнул на тарелку откушенный кусок, заявив, что пирожные явно с просрочкой. Он увидел, как отец просто побагровел от такой выходки. По большому счету за такое хамство, вопреки всем его правилам по поводу воспитания детей словом, а не ремешком, стоило, наверное, вклеить подзатыльник. Вмещалась Маргарита. Заметила едва сдерживаемый гнев Бориса Робертовича. Слегка коснулась его руки, давая понять, что не стоит поддаваться на провокации Марка: любое действие отца встретит еще большее противодействие сына.

Потом Маргарита с отцом еще долго сидели вдвоем, о чем-то разговаривая. Когда она ушла, Борис Робертович попытался было вытянуть сына на разговор по душам, понимая, какие, должно быть, чувства горечи и несправедливости он переживает. Марк в ответ грубил, с едким сарказмом отвечал на все отчаянные попытки отца установить доверительные отношения. Борис Робертович раз за разом прокручивал в голове их очередной возможный диалог, пытаясь найти наиболее убедительные для сына слова, а в итоге, когда оказывался с ним с глазу на глаз, все сводилось к нудным отцовским нравоучениям, которые сын выслушивал с нагловатой ухмылкой.

Маргарита Львовна вновь появилась через несколько дней. Как ни в чем не бывало и не вспоминая о той злополучной истории с пирожными. Завидев ее, Марк демонстративно ушел к себе. Она попробовала заглянуть к нему в комнату, но он даже не открыл дверь на ее стук.

На все происходящее Мириам наблюдала со стороны. Отец с ней поведение Марка не обсуждал, а брат, видимо, не считал нужным говорить об этом с сестрой.

Так продолжалось несколько месяцев, пока Борис Робертович сам однажды не заговорил с детьми о Маргарите. Он решился сделать ей предложение. В доме нужна была хозяйка, а детям-мать. Это понимала и Маргарита. Конечно, они руководствовались не одним холодным расчетом. Симпатия друг к другу там была. Любви – нет. Но такие отношения, порой, сулят более продолжительное партнерство. И обоих это устраивало. Не устраивало это только Марка.

– Предатель, – процедил он презрительно сквозь зубы.

Разговор тогда остался незаконченным. Решено было не торопить события, дать Марку время все обдумать.

– Ты из-за мамы? – Борис Робертович снова попытался вытащить сына на разговор, но тот резко захлопнул дверь своей комнаты прямо перед его носом.

Мириам, выждав немного, тихонько поскреблась к нему в дверь, но, не услышав ответа, рискнула зайти сама. Марк лежал на кровати с закрытыми глазами, в наушниках у него играла музыка. Он не заметил, как она вошла. В руке у него была зажата фотография матери, где та сидит, уронив голову на руки, лежащие на закрытой крышке старого черного Блютнера. Длинные каштановые волосы расплескались по плечам, взгляд задумчиво устремлен в объектив. Это был один из немногих, сохранившихся снимков, сделанный отцом еще на пленочный фотоаппарат.

Мириам с минуту постояла, а потом так же тихо вышла, аккуратно закрыв за собой дверь.

Все решилось где-то месяц спустя. Маргарита пришла, когда отца не было дома, а Мириам убежала на свой урок музыки. Марк, засадив Эстер в манеж, где она возилась со своими игрушками, что-то лепеча на своем непонятном языке, устроился рядом с книжкой.

Маргарита по обыкновению потянулась к Эстер. Та на ее появление ответила улыбкой, обнажив четверку первых зубов, вылупившихся почти разом один за другим.

– Не подходи! – Марк загородил собою манеж, выставив вперед кухонный нож.

Маргарита остановилась. На лице ее застыла улыбка, еще обращенная к Эстер.

– Марк, – тихим спокойным голосом обратилась она к нему.

В том, как она произнесла его имя слышалось скорее удивление, чем испуг. Но Марк придвинул нож еще ближе. Крепко зажатый в жилистой мальчишеской руке, он упирался ей в грудь, прямо между пуговиц, обтянутых черной тканью на светло-сером жакете с черной тонкой оторочкой.

– Я сейчас уйду, – ровным голосом, не выдавая своего волнения, произнесла Маргарита и, отступив на шаг, вышла из комнаты.

Этот момент, когда он на те несколько секунд оказался лицом к лицу с Маргаритой, Марк запомнил на всю жизнь. Он запомнил ее удивленные темно-карие глаза с тонкими лучиками морщинок, легкую складку между бровей, тронутые красной помадой губы. Даже запомнил запах ее духов. Этот аромат намертво врезался ему в память. Только много лет спустя он узнал от одной из своих подруг, с которой у него случился скоротечный роман, что это были французские *Climat*.

Марк не боялся, что об инциденте с ножом узнает отец. Он даже рассчитывал на то, что Маргарита непременно расскажет ему об этом. Мысленно уже готовился к такому диалогу. Но отец так об этом и не заговорил. Не уж-то не узнал? Или не захотел, а, может, не смог заговорить об этом с сыном? Марк по началу терялся от всего этого в догадках, потом махнул рукой и старался больше не вспоминать об этом.

Маргарита больше не приходила.

Отец как-то замкнулся в себе, сделался молчалив. На все его попытки заговорить с сыном даже на самые отвлеченные тема, Марк отвечал с неприкрытой злостью, сам даже не понимая, откуда она берется. И злился при этом еще больше, но уже на себя.

Учился он неплохо, хотя и слыл лентяем. Его выручала цепкая память и хорошие мозги. Но в остальном с каждым разом доставлял все больше хлопот учителям и отцу, которого все чаще по разным поводам вызывали в школу: пропуски уроков, курение, драки с одноклассниками. Покладистый прежде мальчик превратился в неудобного подростка, доставляющего головную боль учителям.

Как-то раз, Марку уже было шестнадцать, он привел домой девушку. Ее боевой раскрас – черная обводка глаз, малиновый рот и светлые волосы, выкрашенные в какой-то неопределенный зеленый оттенок, неприятно поразили Мириам. Она слышала за стенкой ее смех, который ей казался глупым и вульгарным, потом какие-то стоны и всхлипы. Что там происходит в соседней комнате, она догадалась не сразу. Когда домой вернулся отец, парочка уже переместилась в гостиную к телевизору. Девушка сидела на коленях у Марка, обнимая его за шею, а он тем временем мял под свитером ее грудь.

– Если мое присутствие тебя не смущает, то хотя бы сестры постеснялся, – возмутился отец.

Марк только нагло хмыкнул в ответ, не спуская с колен свою подругу.

– Пошли! – скомандовал он девушке, поднимаясь с дивана.

– Ты куда? – окликнул его отец, когда Марк уже стоял в дверях.

– Трахаться, куда же еще?!

Ночевать в тот день Марк не вернулся. Мириам молча наблюдала за отцом, который несколько лет, как бросил курить, теперь то и дело выходил с сигаретой на балкон. Волновался ли он из-за того, что сын-подросток где-то пропадает ночью, или переживал из-за не заладившегося с самого начала разговора, вытолкнувшего Марка из дома, Мириам не знала. А расспрашивать отца о чем-либо в тот момент не решилась.

Примерно полгода спустя после того случая с девушкой, отцу позвонили из полиции. Как выяснилось, Марка с одноклассниками остановили дэпээшники, когда те раскатывали на чужой машине. Задержали их за угон. Правда, потом выяснилось, что угнали они отцовскую машину одного из приятелей, который сам к тому же и находился за рулем. Прав ни у одного, конечно же, не было. Просто хотелось прокатиться на новеньком «Мерседесе», ключи от которого были вытащены тайком из кармана пальто ничего не подозревавшего папаши. Покрутились по дворовым улочкам между домов. Когда стало скучно нарезать круги по кварталу, решили выехать на соседний проспект. А там – дорожный патруль. Им как-то подозрительным показался неровный ход машины. Остановили. А там – четверка подростков. Без водительских прав, да еще с ярко выраженным пивным амбре.

Борис Робертович мог вмешаться, кинуться на выручку сыну – нужные связи и знакомства были, но не стал. В итоге сам потерпевший – отец горе-угонщика сына – первым же поспешил загладить инцидент. Но штраф, причем немалый: за вождение без прав и за нахождение несовершеннолетних в нетрезвом виде, пришлось заплатить. Решили разделить ровно на четверых. Борис Робертович деньги, конечно, заплатил, деваться некуда было, но в полицейский участок за сыном тогда отказался ехать на отрез.

– Зачем он так? – Марк, задумавшись, не заметил, как произнес этот вопрос вслух.

– Ты это о чем?

Мириам уже вернулась на кухню и выкладывала с подноса чашки и тарелки в раковину.

– Я вот никогда не понимал, как можно всю жизнь, заметь, всю жизнь копать в чужих мозгах... изучать, как там это было? «Метакогнитивные способности подростков с разными формами дизонтогенеза» – уму просто не постижимо! И не докопаться до своего собственного сына!

– У-у-у! – Мириам догадалась к чему клонит Марк. – Какие мы слова оказывается знаем!

– Ты сильно удивишься, но я как-то умудрился кроме Уголовного кодекса прочесть еще пару книжек., – съехидничал он в ответ.

– А ты до своего Ленки хорошо докопался? Воспитываешь сына, папаша, по воскресеньям.

– Лучше жить на расстоянии и воспитывать раз в неделю, чем под одной крышей и ни хрена не сделать!

– А ты дал ему шанс? – Мириам, скрестив на груди руки, в упор смотрела на брата.

Вызов в глазах Марка от взгляда сестры как-то заметно стал затухать, словно в разгоревшиеся угли плеснули воды.

– А знаешь, твой разрекламированный *Green Spot*, – Марк уже стоял в дверях, собираясь уходить, – типа, со вкусом фруктов и выдерживается в бочках из-под хереса и прочее бла-бла-бла, отдает простой сивухой. Не понимаю, как можно втюхивать всем про элитное бухло и всякие там сигары гаванские, не выкурив даже ни одной сигареты? И виски ты не пьешь. Это же ерунда какая-то получается...

Мириам только усмехнулась, провожая его взглядом: «Что за характер! Обязательно же надо оставить последнее слово за собой...»

ГЛАВА 7

– У вас гамбургеры с беконом есть?

Эстер, слегка оттянув к виску краешек правого глаза, пыталась разглядеть рекламу над стойкой с кассами, но без очков, которые она пока не решилась надеть, изображение было размытым.

– Есть! – С готовностью выполнить любой заказ, отозвался парень в красной бейсболке с желтой буквой М и голубой рубашке.

Эстер, снова прищурился глаза, взглянула на его бейджик на левом кармашке рубашки с именем «Александр».

– А они кошерные?

Эстер поджала губы, чтобы не прыснуть от смеха.

– В смысле? – парень с бейджиком «Александр» пришел в замешательство.

– В смысле, что я ем только халяль.

– Так, короче, мы берем два гамбургера с беконом и колу, – вмешался в грозивший зайти в тупик диалог Эстер и парня в бейсболке Гарик.

– Не морочь людям голову, – он поставил поднос перед Эстер. – Говори проще.

– Если проще, это не интересно, – отозвалась Эстер, впившись зубами в пышную булку гамбургера. – О, жирнота холестеринавая!

– Нормально, кусна, – прожевал с набитым ртом Гарик.

– Если по рейтингу от одного до десяти, кто выше: Макдак или Хесус⁴?

– Макдак, конечно, – Гарик слизнул скатившуюся из нутра гамбургера красную дорожку кетчупа. – Кетчука здесь не жалеют.

– А в Хесусе мазик лучше, – парировала Эстер.

В Фейсбуке в группе «Где поесть» они с оператором Гариком негласно соревновались в оценках различных мест общепита в городе, устраивая то и дело друг с другом пикировки. Несомненным преимуществом Гарика было то, что он был в вопросах еды еще и практиком – сам умел неплохо готовить, а Эстер выигрывала в теории. Могла закидать цитатами из Брийя-Саварена⁵ и во всех подробностях живописать, что едали герои-обжоры Гаргантюа и Пантагрюэль у Рабле, но кроме приготовления смузи и омлета никакими другими кулинарными достижениями похвастаться не могла.

Им с трудом удалось припарковать машину в центре. Офисный планктон еще не успел разъехаться, а на освобождаемые места моментально слетались новые постояльцы. Те, кто приезжал уже, чтобы скоротать вечер в баре или ресторане. Или вот, к примеру, на митинге политической оппозиции.

– Заметил, армейцев там, на улице? – Эстер махнула рукой в сторону здания Парламента, когда они уже двигались по направлению к площади, куда стекался люд.

– Не-а, – Гарик прицеливался объективом видеокамеры в ширившуюся у помоста сцены толпу демонстрантов. – А что? Обычное дело...

– Обычно дело – это менты... – Эстер наблюдала, как полиция выстраивает металлические ограждения по периметру площади.

Она вынула, наконец, из рюкзака очки и протирала теперь стекла о край майки.

– Что-то их много сегодня...

⁴ Хесус – от названия сети ресторанов фаст-фуд Хесбургер

⁵ Брийя-Саварен Жан Антельм – французский философ, кулинар, автор знаменитого трактата «Физиология вкуса»

Из буса с тонированными стеклами высыпался еще с десятков человек в темно-синей полицейской униформе, быстро смешавшихся с кислотно-зелеными люминесцентными жилетами муниципального подразделения.

– Смотри! Там что-то блеснуло! – Эстер дернула за рукав Гарика и показала на окно верхнего этажа Радиоцентра.

– Где? – Гарик развернул камеру в том направлении, куда указывала Эстер, но короткий проблеск света уже исчез. – Ничего не вижу.

– Похоже было на отблеск прицела снайперки.

– Да ладно! – хохотнул Гарик. – Показалось. Солнце просто бьет в ту сторону. Станут они еще снайперов сюда тащить? С какого перепугу?

Гарик снова припал глазом к видоискателю камеры и сосредоточился на разворачиваемых митингующими транспарантах.

– До семи, как думаешь, отстреляемся? У меня Витка из Барселоны в восемь с минутами прилетает. Обещал встретить.

Подруга Гарика летала стюардессой на рейсах национальной авиакомпании, а он ревновал ее ко второму пилоту, о чем знали все, только он сам отрицал это.

– До семи долго, – Эстер оглядывалась по сторонам, прикидывая, сколько народу уже собралось на площади. Тысяча, две тысячи человек, может, больше? – В шесть уже надо уносить ноги, а то не успею к восьми сдать репортаж, а он в выпуске стоит первым.

В начале шестого, наконец, начали. К этому времени площадь уже была битком набита народом. На сцену вышел духовой оркестр и заиграл первый ре-минорный концерт Баха.

Гарик скучающим взглядом посматривал по сторонам в ожидании, когда закончится вся эта музыкальная прелюдия и начнется главное действие.

Наконец, на помост поднялся человек в бежевом костюме, в котором Эстер узнала одного из оппозиционных депутатов Парламента.

– Добрый вечер всем! – обратился он к собравшимся, но его услышали разве что те, кто стоял вблизи сцены.

– Не слышно! – заорали из толпы.

Выкрики, подхваченные еще сотнями голосов, волной покатались по площади.

– Теперь слышно? – депутат постучал пальцем по ожившему микрофону.

– Давай, говори! – вновь закричали в толпе.

– Страна в кризисе! – бросил «бежевый костюм» первый пробный камень в толпу. – То, что будет со страной и всеми нами завтра, в наших руках сегодня! Нам нужна другая политика!

– Ну все, потекло г...но по трубам, – крикнул Гарик в ухо Эстер, перекрикивая оратора на сцене, который, чем дальше, тем больше воодушевлялся от своих же собственных слов.

Эстер прижала палец к губам и показала в сторону записывающей все происходящее камеры. Вскоре на смену депутату в бежевом вышел другой парламентарий уже в темно-синем костюме.

– Мы на пороге новой катастрофы! – рявкнул он в толпу перед ним. – Только за последний год ВВП рухнул на двенадцать процентов! На двенадцать! – Он театрально воздел руки к небу, словно моля небеса вернуть назад макроэкономические показатели страны. – Народ нищает!

– Эрменеджильдо Зенья! – не удержался и снова прокричал ей Гарик.

– Что? – не поняла Эстер.

– У него костюм от Эрменеджильдо Зенья! Я видел точь-в-точь такой! Хорош при этом говорить про нищету? А?

Дальше все шло по уже не раз отработанному сценарию подобных мероприятий, на которых Эстер бывала не раз. После пламенных речей политиков, разогретая ими публика, начала скандировать «Долой правительство!» и «Да здравствует новая жизнь!», потом пели песни и

запускали в воздух принесенные с собой цветные шарики. Гарик посматривал на часы, давая понять Эстер, что делать здесь больше нечего и можно возвращаться в телецентр. Тем более, что депутат в бежевом костюме, вновь вернувшись на сцену, дал заключительный речевой залп, пообещал бороться с несправедливостью и коррупцией, заручился поддержкой в виде аплодисментов митингующих, шума трещоток и пронзительного воя дудок из атрибутики спортивных фанатов, и призвал всех расходится.

-Давай постоим, – Гарик поставил камеру на каменный парапет, опоясывавший край здания старой Биржи, стоявшей углом к площади, и потер затекшее плечо. – Будешь? – протянул он Эстер пачку сигарет.

– Не-а, – мотнула она головой и вынула из кармана джинсов мобильник, чтобы взглянуть на время.

–Щас, народ, может, чуть рассосется, – Гарик смотрел на медленно растекающийся по соседним улицам людской поток, – быстро протолкнемся, – успокоил он ее.

Неожиданно где-то впереди них, на улице, ведущей к Парламенту, послышались громкие крики, и оба повернули головы на нарастающий шум.

– Ни хрена себе! – Гарик бросил недокуренную сигарету и вскинул камеру на плечо.

Из-за людских спин Эстер не сразу разглядела, что происходит. Пришлось даже на цыпочки привстать. Толпу людей, направлявшихся к выходу с улицы, напористо буравили, идя против общего течения, какие-то люди с прикрытыми до самых глаз черными банданами на лицах и такими же черными бейсболками, надвинутыми по самые брови. В руках у них были картонные решетки с яйцами.

Гарик уже всю таранил толпу, продвигаясь как можно ближе к людям в черном. Эстер юркнула за ним.

На светло-коричневом фасаде здания одна за другой стали появляться желтые кляксы. Несколько яиц угодили в военных в бежевой камуфляжной форме, но они стояли, по-прежнему не шелхнувшись с автоматами на перевес, ожидая дальнейшей команды.

Неспешно расходившаяся прежде людская толпа остановилась. Те, кто подходил сзади и еще не видел происходящего, недовольно упирались им в спины и тут же замирали, глядя на импровизированный яичный штурм здания, сопровождаемый выкриками «долой зажавшихся!». Пока основная масса глазела на метания яиц в стены Парламента, в толпе нарастал недовольный рокот. Одни возмущались действиями «штурмовиков», другие, напротив, стали их поддерживать. Кто-то вслед за людьми в черных банданах стал хватать из картонных лотков яйца и метил их уже не только в стены, но и в солдат, вытянувшихся в шеренгу вдоль здания.

Гарик даже приподнял над головой камеру, давая объективу больше обзора. Эстер прикрывала его со спины, не давая уже порядком забурлившей толпе, затолкать его. Где-то с краю, у выхода на соседнюю улицу вдруг послышались крики. На усмирение бунтарей прибыла полиция. Все в касках, вооруженные прозрачными пластиковыми щитами и стеками. Они теснили зевак к тротуарам, те под их напором расступались. Но чем ближе этот полицейский десант пробирался к эпицентру событий, тем большее сопротивление они встречали.

– Это подавление воли народа! – крикнул кто-то из толпы.

–Тоталитарное государство! – выкрикнул другой голос.

Началась давка. Решетки с яйцами, которыми еще не успели забросать военных, под напором человеческих тел, сминались, желтая липкая масса стекала на брусчатку. Несколько человек поскользнулись на яичной жиже, потянув за собой других. «Черноплаточечники» остатками своего «вооружения» пытались атаковать теперь уже полицию. В ответ в ход пошли дубинки. Кто-то, прикрывая голову от ударов, метался из стороны в сторону. Некоторые, возмущенные действиями силовиков, хватали их за руки, желая остановить все разраставшееся побоище.

Эстер рванула Гарика сзади за рубашку в сторону, боясь, как бы удар стека не пришелся по нему. Скользя спинами по стенам домов, они пробирались вдоль улицы, понимая, что вот именно сейчас, в самый разгар событий, мчатся в телецентр и торопиться сбрасывать материал, было бы просто непростительно.

– Мирная демонстрация, б... – усмехнулся Гарик, отирая пот со лба, – хорошо это я за хлебушком сходил...

У Эстер в кармане зазвонил телефон. Точнее, звука она не услышала, почувствовала только зудящую вибрацию на своем бедре.

– Я ничего не слышу! – кричала она в трубку, зажимая пальцем другое ухо. – Говорит, срочно нужен уже снятый материал. То, что есть, – пересказывала на ходу Эстер разговор с Редактором. – Но тебе, сказал, пока придется остаться. Он пришлет кого-нибудь на смену.

– Держи, – Гарик вынул из камеры видеокарту и протянул ее Эстер. – Буду снимать на вторую.

Он отдал ей ключи от машины, и она двинулась дальше по улице вместе с разбегающимися в разные стороны людьми, прикидывая, каким путем удобнее пробраться к парковке.

– Они загородили выход! – прокричал кто-то впереди.

Эстер увидела из-за спин выставленные металлические ограждения, за которыми маячила темно-синяя полицейская униформа. Вместе со всеми, кто торопился выскочить на магистральные улицы города, она метнулась на боковую улочку, но почувствовав впереди снова торможение бегущих, поняла, что и там уже стоят заградительные щиты.

– Пропустите! Я-журналист! – Эстер подбежала к ограде, роясь на ходу в рюкзаке в поиске пресс-карты и тут же вспоминая, что оставила ее дома, когда утром перед работой перекладывала вещи из сумки в сумку.

– Черт! – уже не от злости, а от бессилия выкрикнула она. – Да! – ответила она уже решительно, увидев на засветившемся телефоне звонок от Редактора. – Я не могу отсюда никак выбраться. Пришли кого-нибудь, я отдам карту, а потом мы с Гариком, когда все закончится, вместе приедем.

Эстер бросилась в обратном направлении, не зная, найдет ли она оператора на прежнем месте. Звонить ему сейчас было бессмысленно. С камерой в руках, в шуме и толкотне, он даже не ответит на звонок. Просто не услышит.

Чем ближе она подходила к тому месту, где она оставила Гарика, тем громче орала толпа и яростнее напирала друг на друга и на полицию, которая пыталась отогнать людей по ближе к стенам домов. Найти в этом месиве человека даже с увесистой видеокамерой на плече было непросто.

Тем временем на смену истоцившимися запасам яиц в ход пошли пивные бутылки. Почти полные темно-коричневые литровые «бомбы» какой-то молодняк запускал в толпу. Одна замерев на мгновение в воздухе, приземлилась возле Эстер, обдав ее солодовой пеной. Инстинктивно пригибаясь, она продолжала пробираться сквозь толпу, пока не заметила одного такого метателя.

– Э! А куда это мы так дружно веслами машем? – Эстер остановила парня с пивной бутылкой. – Слышь, может, по пивасу лучше вдарим?

– А с х...? – парень вскинул на нее мутные глаза, и запустил свое орудие в людскую гущу.

– Чё пришел сюда? – Эстер хотела понять, как его занесло в этот водоворот.

– Я? – он оглянулся по сторонам, словно хотел удостовериться, что обращаются именно к нему. – А чтоб этим ... гнидам... – он неопределенно махнул рукой куда-то в сторону, – показать, кто такой народ...

– Молодец, показал... – похлопала его по плечу Эстер, и увидела, как с поперечной улицы подтягиваются бойцы из спецбатальона «Альфа», – благодарный народ, в который ты бросаешь бутылки, тебя не забудет!

На противоположной стороне улицы мелькнула взмокшая спина Гарика с камерой на плече.

– Ты чего тут? – удивился он, кинувшейся ему навстречу Эстер. – Почему не уехала?

– Они выходы перекрыли. Отсюда не выбраться. Они никого не выпускают, а я свою пресс-карту дома забыла, – затараторила она, пряча очки в рюкзак.

– Смотри, «астронавты» как выстраиваются, – кивнул Гарик в сторону спецназовцев, плотно вставших поперек улицы, прикрываясь металлическими щитами.

Теперь пивные бутылки летели уже в сторону бойцов «Альфа», которые, повинувшись отдаваемой им кем-то команде, с равномерным интервалом шагали вперед, все больше тесня людскую толпу. Где-то рядом раздался звук разбитого стекла. В сторону соседних домов полетели булыжники. В воздухе повеяло чем-то сладким.

– Быстро давай отсюда! – Гарик толкнул Эстер в плечо. – Походу, они слезоточивый газ распылили!

Они бежали по обломкам стекла, держась за спинами бесновавшейся толпы, продолжавшей забрасывать камнями витрины магазинов и кафе. Кто-то уже пролезал в разбитые двери, хватая выпивку и сигареты. На соседней улице, куда кинулись Гарик и Эстер, группа парней раскатывала полицейский бус, пока не опрокинула его.

– У-ё-ё-ё! – взвыл вдруг Гарик, присев, едва удерживая в руке камеру.

Эстер не сразу поняла, что произошло. Догадалась, когда увидела, как оператор прижимает ладонь к низу живота.

– Ты! Об...ос! – переведя дух Гарик, вновь вскинув на плечо камеру, как тяжелое оружие, пошел во весь рост на того, кто кинул в него камень. – Я те ж... на уши сейчас натяну и через глотку выверну!

В этот момент где-то позади раздалось несколько глухих хлопков.

– Куда! – рванул ее за шиворот назад Гарик и нацелил объектив туда, где раздалась выстрелы. – Кажется, парня какого-то завалили, – он всматривался в окуляр камеры, пытаясь разглядеть человека, лежащего на тротуаре.

ГЛАВА 8

Эстер снова и снова просматривала на мониторе студийного компьютера кадры с парнишкой, распростертым на брусчатке. С приближением их камеры, когда они с Гариком подбежали к толпе, окружившей того, кого настигла пуля, десятки ног расступились. Лицо парня было залито кровью, левая глазница превратилась в черное пятно. Он лежал недвижно, что Эстер подумала, что он мертв. Так решили и те, кто толпился вокруг.

–Сволочи! Убийцы! – заорал кто-то в сторону спецназовцев.

Вопль подхватили другие, ринулись было на металлические щиты, но бойцы сделали ответные еще несколько шагов, все больше и больше напирая на толпу. Эстер продолжала смотреть на паренька и вдруг заметила, что он вроде шевельнул рукой. Растолкав стоявших, она кинулась вниз, к мальчишке, приложила ладонь к его шее и почувствовала под пальцами пульсацию артерии.

– Он живой! – крикнула она вверх, возвышающимся над ней людскими фигурами. – Он живой! – еще громче заорала Эстер, приподнимаясь, в сторону замерших щитов.

Когда Гарик с камерой в руках подскочил к спецназовцам, тыча им в зашоренные прозрачными щитками лица своей пресс-картой и требуя, чтобы их с Эстер выпустили из окружения, плотный ряд расступился. Сев, наконец, в машину, он не сразу сумел даже попасть ключом в замок зажигания. На студии их встретили со вздохом облегчения, но деловито. На сантименты времени не хватало. Эстер сразу бросилась в видеомонтажку. На сбор «пазла» из отснятого материала оставались считанные минуты.

Они выбрались из телецентра, когда там готовили к включению очередной экстренный выпуск новостей уже с тем отснятым ими материалом. Теперь уже торопиться было некуда, хотя по инерции все еще хотелось куда-то бежать. Гарик заметно приуныл. Подруга-стюардесса вот уже часа три, как благополучно приземлилась, и пребывала в недовольстве от того, что обещанной встречи с цветами в аэропорту не случилось. Так что остаток вечера грозил одиночеством.

В бар, куда они с Гариком подались уже на исходе дня, был полон народу и клочкотал на разные лады голосами, обсуждавшими последние события в городе. В этот вечер здесь не играла музыка, как обычно. Взгляды всех были прикованы к широченному экрану телевизора над барной стойкой, установленного по большей части для футбольных и хоккейных фанатов мировых чемпионатов. Сегодня по всем каналам передавали о беспорядках возле здания Парламента.

«Мирно начавшийся митинг перерос в столкновение с полицией и отрядом специального назначения «Альфа». Начавшиеся в районе Старого Города беспорядки удалось локализовать, был применен слезоточивый газ. Задержано более шестидесяти человек. Есть пострадавшие среди участников митинга. Пятерым потребовалась экстренная медицинская помощь. Виновники беспорядков устанавливаются. Как стало известно, сегодня вечером, один из политиков от парламентской коалиции, обращаясь к организаторам митинга, написал в своем Твиттере следующее: вы довольны?»

–С...ки! – Гарик оторвался от экрана телевизора. – А про то, что стреляли ни слова! – он припечатал допитый стакан пива к барной стойке.

– О, смотри, – толкнула его в бок Эстер, – «Евроныус» передают.

«...силовики применили против мирных демонстрантов слезоточивый газ и резиновые пули...»

– Ага, как же! Мирные демонстранты, – усмехнулся Гарик, – А у нас все равно «картинка» лучше, чем у европоидов, – теперь он сосредоточился исключительно на видеоизображении последних событий. – Отстой! – заключил он, отвлекаясь от экрана.

Сквозь шум голосов Эстер услышала душераздирающий рингтон «*Believer*» *Imagine Dragons*, от которого частенько вздрагивали окружающие, но сейчас во всеобщей сутолоке на него никто даже не обратил внимания.

Звонил Марк. Явно неспроста, с тоской подумала она. Наверняка уже посмотрел их последний выпуск новостей.

– Ты где? – Без лишних предисловий заорал он в трубку, едва Эстер ответила на его звонок.

– Ты где? – уже тише, но от этого еще более угрожающе переспросил Марк.

– Где-где? В Караганде! – выпалила в ответ Эстер, разозленная наездом брата.

– А точнее? – пропустил он мимо ушей издевку сестры.

– Где мы? – отводя мобильник в сторону переспросила она у Гарика. – В «Пещере», – повторила она с его слов.

– Ты одна? – продолжал допытываться Марк.

– Не-е-е, нас тут много!.. – веселилась вовсю Эстер, отводя душу возможностью поводить хоть немного брата за нос.

Марк появился минут через десять. Подкатил прямо к бару в полицейской машине с мигалками, хотя и без сирены. Одет он был в гражданское, поэтому на его появление никто не обратил внимание, пока он, не выхватив взглядом среди посетителей бара Эстер, примостившейся с краю у стойки, не двинулся к ней.

– Пошли! – он схватил ее твердой рукой за плечо.

– Э! Полегче, братан! – прикрикнул на него Гарик, подавшись телом в сторону своей коллеги.

– Пошли! – не обращая внимания на Гарика повторил Марк.

– Вот допью и пойду, – Эстер показала на половину опустошенный бокал с пивом. – Не обращай внимания, – обратилась она уже к Гарика. – Это-мент.

– Нет, резко встала и пошла! – Марк, чтобы не слишком привлечь внимание окружающих, говорил ей уже чуть ли ни в самое ухо, но по-прежнему крепко держа ее за плечо. – У меня только полчаса, чтобы отвезти тебя домой и вернуться. Сама понимаешь, что творится. Так что твоему приятелю сегодня придется коротать ночь одному.

– Он не мой приятель, – Эстер похлопала Марка по руке, давая понять, что хватку он мог бы и ослабить.

– Все в порядке, мы уходим, – Марк кинул на стойку купюру.

– Обижа-а-а-ешь... – Гарик ребром ладони отодвинул деньги.

После вечерних беспорядков город погружался в тревожный сон. Заметно опустели даже центральные улицы, где обычно жизнь замирала за полночь. Кварталы Старого города, где после усмирения разбушевавшейся толпы царил полный хаос, были оцеплены полосатой красно-белой лентой и патрулировались полицией, топтавшей битое стекло, смятые пластиковые бутылки и выкорчеванный булыжник.

– Я тебя засажу в обезьянник на пятнадцать суток! Буду держать под замком, даже без общественных работ! Идиотка! Дура набитая!

Теперь, когда они сели в машину и остались одни, Марк дал волю эмоциям.

– А твоего редактора, вообще на хрен закрою! Наглухо! И на долго! Он каким, б... местом думал?

– Блин! Это моя работа! Кто знал вообще, что так все выйдет!

Машина миновала центр города и выехала на широкий проспект.

– Когда в тебя стреляют – это ведь страшно.

Эстер вжалась в сиденье полицейского «Опеля» и была похожа на потерянного ребенка. Марк только пожал плечами.

– Ты чего? – она заметила, как брат хмыкнул, чему-то усмехнувшись.

– Да, так, вспомнилась вдруг тоже очень страшная история. Было когда-то одно долгоиграющее дело с наркотой. Следачка с нами тогда еще увязалась. На вид скромница такая. Мышь серая. У нее еще нервный тик я заметил был. Верхнее веко дергалось и глазами она все время моргала. Вообще мутная какая-то баба была. Никто не знал, откуда она вообще взялась. А мы наркокурьера должны были встретить в аэропорту со всем багажом. Но там все так хитро вышло. Все как-то через ж... кувырком. И тут эта еще... Парня-то мы задержали. А он так, не особо и при делах был, как выяснилось. Но вел себя подозрительно. Спалился на ерунде. Мимо него проходил обычный патруль, а он сдуру рванул, не выдержал... Но бегун он отменный оказался. Так следачка эта стартанула с полноги за ним! Спринтерша прямо. Представляешь, запрыгивает ему на спину, как кошка. Бедняга. Вопил так, кажется, переорал даже вой авиатурбин. Эта чокнутая умудрилась откусить ему пол уха.

– Что, серьезно? – недоверчиво переспросила Эстер.

– Реально. Мужики просто охренели.

– А если этот наркоша ВИЧ-инфицированный был? – Эстер брезгливо поморщилась, представив себе картину с откушенным ухом.

– Да ей пофиг, по-моему, тогда было. Она, – Марк похлопал себе по плечу, – звезды зарабатывала.

– И как? Заработала?

– Не то слово, – усмехнулся Марк. – Теперь она метит, – он поднял палец кверху, – в министры.

– Да ладно! Это она-то?

В голове Эстер с трудом умещались в единую картинку история с откушенным ухом и невзрачная на вид кандидатка на кресло министра внутренних дел.

– М-да... Если она станет министром, то вам всем тогда писец...

Было у этого «долгоиграющего» дела и продолжение, о котором Марк вспоминать совсем не любил. История, которая привела его однажды на старый заброшенный химкомбинат. Место малоприметное, хотя и близко к центру города. Стоявшие долгие годы разоренные заводские корпуса скрывались за невзрачным кирпичным забором. В отсутствии привычной жизни здесь всюду буйствовала природа, отвоёвывая свои права у человека. Территория заросла бурьяном, кусты боярышника вымахали ввысь и разлапились в разные стороны. Стоял октябрь, те самые обманчивые по-летнему дни, когда вдруг напоследок перед затяжными осенними дождями, солнце начинает жарить всюду. Одет он был легко: футболка и легкая спортивная куртка. Никакого на свой страх и риск бронежилета. Он же «свой» по легенде. Только небольшая дорожная сумка через плечо. Якобы, с деньгами. По весу гораздо легче, чем тот героин, который должен был принести дилер.

Он заглянул в один из разгромленных заводских корпусов, где даже среди бела дня в развороченных с зияющими провалами крыши цехах царил полумрак. Под ногами хрустело крошево битого кирпича и стекла, из опрокинутых пластиковых бочек был просыпан какой-то белый кристаллический порошок, жестко похрустывавший, как снег, под подошвами кроссовок. Уже тогда Марка кольнуло неясное и опасливое чувство, что здесь что-то не так. В назначенное время никто так и не появился. Можно было поворачивать назад. Но он замер возле серой деревянной двери, которая, вероятно, вела в какое-то подсобное помещение. Сколько он простоял, взявшись за ручку? Полминуты? Может, чуть больше или чуть меньше. И вот

он, наконец, осторожно потянул на себя эту дверь. В этот момент досадливо кольнуло в мозгу: зря, ты так, не поворачивайся спиной.

Пуля, попавшая в спину, чуть ниже левой лопатки, сбила его с ног прежде, чем он услышал звук самого выстрела. Он был, как удар стеклом. Боль пришла потом, разлилась, обжигая, по всему телу, перехватывая дыхание. Раскрутившись по началу, словно пружина часового механизма, дала потом обратный ход, увлекая в зияющую где-то в центре своей дьявольской спирали черную дыру весь страх, а вместе с ним и страдание.

Стало вдруг тепло и легко. Последнее, что он тогда запомнил – часы на выброшенной вперед правой руке. Они показывали 14:24.

Очнулся он уже в больнице, когда перед лицом маячила бутылка для капельницы в руках бежавшей рядом с каталкой медсестры. Потом была слепящая белым светом лампа в операционной, потом черный бездонный провал сна и только, вынырнув из этого беспомыслия, он, наконец, почувствовал, что, проделав путь в небытие, возвращается назад. По стенам больничной палаты скользили мягкие тени уходящего солнечного дня. Рядом на стуле, подперев голову руками сидела Ладка. Тогдашняя его жена. Ему повезло. Как может повезти одному из десяти тысяч, кого природа, то ли подшутив, то ли всерьез, наградила *situs inversus*-зеркальными органами. Сердце у него оказалось справа.

– Когда стреляют- это правда страшно, – вновь заговорил Марк после повисшей паузы и взглянул на сестру, уткнувшуюся лбом в окно машины. – А потом уже – нет. Умирать, вот уж точно – не страшно, – усмехнулся он.

Снова повисло молчание.

– А отец тогда так и не пришел... – проговорил после паузы Марк в продолжение своих мыслей.

Эстер медленно перевела взгляд от ночного городского пейзажа за окном на брата.

– Давай ключи! – потребовал он, когда они зашли в ее квартиру.

– Зачем? – уже как-то вяло возмутилась она.

– Чтобы не искала на свою больную голову приключений, – Марк и сам уже значительно сбавил обороты, хотя по-прежнему говорил жестко.

– Мне на работу завтра.

Оказавшись, наконец, дома Эстер чувствовала теперь, как усталость навалилась на нее, как огромный валун.

– Значит придумаешь что-нибудь! – не отступал Марк.

– На! – она кинула ему ключи от квартиры, которые тот поймал на лету. – А он приходил к тебе...

– Кто? – не понял Марк, остановившись в прихожей.

– Папа приходил к тебе тогда в больницу. Только ты был еще без сознания после операции...

Еще полчаса назад Марк от злости на сестру, которую с трудом разыскал в обезумевшем городе, в сердцах бы хлопнул на прощание дверью. Но теперь, при виде перепуганной и поникшей Эстер, только бесшумно прикрыл ее за собой.

ГЛАВА 9

Адреналин, смешанный с алкоголем – тот еще «коктейль Молотова», способный взорвать мозг. Кровь продолжала kloкотать в жилах, нейроны мозга то спутывались в дьявольский клубок, то распадались, рассеиваясь, как поднятая пыль.

Я воткнула в уши *Cocteau Twins* и не знаю уж, сколько времени прошло, но, походу, я выключилась под гипнотическую *Beatrix*, распластавшись на своем матрасе, прямо в одежде, не раздеваясь.

Я не стала героем. И что? Наплевать. На следующий день вернулась на работу, – весь этот театр с ключами, что устроил Марк накануне, – был чистейшим блефом. Он оставил их в прихожей, повесив на шишковатую ручку шкафчика гардероба. Передумал, значит...

Все лавры героя достались Гарику. И вполне заслуженно. Как он терминатором попер тогда на тех ублюдков!

Короче, благодарность на доске объявлений в студии, премиальные и все такое... Редактор похлопывал его по плечу: молодец, мол, братуха, или что-то в таком роде, добыл такой материал, лез в самую, так сказать, гущу событий, рисковал... На меня же посмотрел, как та училка в десятом классе: а тебя, типа, ждут киоски... Да что там киоски!

Выяснить, откуда прилетела та единственная резиновая пуля, угодившая парнишке в глаз, так и не удалось.

– Но кто-то же стрелял? Не сам же он в себя ее всадил? – доставала я Марка.

Тот молчал, как партизан на допросе.

– Не было там ничего... – выдавил он из себя в итоге.

Ясно, перес... ли они там все у себя в полиции.

– Ты еще скажи: а был ли мальчик? – съязвила я.

Мальчик, конечно же, был. Лежал в центральной городской. От него не отходили родители.

– Год только в мореходке отучился! Все в море рвался. Еще в детстве говорил: вот вырасту, стану капитаном, – мать парнишки определенно находилась в шоковом состоянии. Говорила без умолку, а глаза совершенно сухие. – Господи, и чего его понесло туда? Я его спрашиваю, зачем? А он: ну просто с ребятами гуляли по городу, а там – митинг. Митинг! Ну, митинг! И что? Да вы сами зайдите к нему, он вам все расскажет!

Мать мальчишки меня все подталкивала к дверям палаты, которые подпирал его угрюмый отец. Тот молчал.

– Вы уверены, что он сейчас сможет говорить?

А я уже махала рукой оператору, чтобы тот быстрее руки в ноги за нами с камерой. И тут перед нами выскочила докторица.

– Я не дам вам туда войти. Он ничего вам говорить не будет. И я ничего вам рассказывать не стану. Вы в своем уме? Его ночью только прооперировали. Парень глаза лишился. А вы тут, как крысы, все вынюхиваете...

Она шипела на нас разъяренной кошкой.

– Так пусть главврач что-нибудь скажет, – напирал Редактор, наставляя меня по телефону, – или в Минздрав позвони... Ты же в контакте...

В контакте, блин... С той провальной свадьбой мы с Осиком так и не общались.

Но я все же набрала номер Осика. Хотя стремно как-то все это было. Но знала ведь, знала, что рано или поздно придется встретиться. Хотя бы по работе. Ну если только он не рванет стремительно на повышение куда-нибудь еще. Или я не буду слишком медлить...

– Послушай, но чем наше ведомство тут может помочь?

Я так прямо представляла себе, как он, прижимая плечом трубку, копается в своих бумагах или сидит у себя за компом и, не отрываясь от дел, разговаривает со мной.

– Это сама больница решает, давать комментарии или нет.

– Да я, – говорю, – так, для очистки совести позвонила...

Фу, противно аж до дрожи самой было, что я там что-то мямлила Осика про редактора. Мол, это он настаивает, а я как бы ни при делах.

– Твоя совесть чиста, Эстер.

Мне показалось, что он усмехнулся от многозначности собственных слов.

– Извини, но у меня и правда дел по горло. Завтра международная конференция по нанотехнологиям. А тут и так все на ушах стоят.

– А-а-а, понятно, – я даже как-то обрадовалась такому завершению разговора. – Раз нано, значит нано, – попыталась даже отшутиться в ответ.

В этот момент дверь палаты, где лежал раненый парнишка, распахнулась и двое санитаров вынесли его на носилках. Странно даже как-то. Почему на носилках? А не на каталке или в кресле?

И тут я сквозь зубы цежу оператору: снимай! Он незаметно пристроился за теми медбратьями, что тащили парня. Черт, пацану всего лет шестнадцать. Это я тогда ночью, когда проползла между ног в толпе, толком и не разглядела его. Да и что там можно было разглядеть кроме залитого кровью лица.

Редактор потом всю дорогу разорался: почему ничего не спросила у парня?

Теперь я вот уже битый час сижу и туплю дома, медитирую на голую стенку. Приспособилась колоть орехи старым Ундервудом. Кладешь их так, аккуратненько, прям под молоточки со шрифтом и хрясь по клавишам. Жрать охота-еще не то придумаешь. А «старичок» оказался крепок. Вот что значит печатная машинка!

Может, оно и немилосердное дело так с раритетным Ундервудом обращаться, но это была любовь, как говорится, с первого взгляда. Нашла я ее на помойке. Иду, как-то раз со своими мешками на мусорку- в одной руке пластик всякий тащу, тетрапак, в другой-органику. Да, блин, я сортирую мусор! Все аккуратненько раскидываю по контейнерам: желтый, синий, зеленый. Даже в подъезде у себя повесила как-то раз объяву, мол, люди добрые, не будьте, в общем, сами знаете кем, и все такое... Марк, правда, тоже, говорит, такой: ты бы в своей башке мусор сортировала. Да кто бы говорил!

Ну короче, иду я себе к этим яйцеголовым цветным контейнерам, и вдруг вижу, там внизу, в песке, штуковина какая-то интересная. Глянь, а это печатная машинка. Целая к тому же. Ну, западает у нее пару букв, но это ерунда.

Жалкая горсть фундука подошла к концу, я начала шарить по кухне в поисках в каком-нибудь хручева. В шкафу, правда, кроме коробки с овсянкой быстрого приготовления ничего не обнаружилось. Но это мой НЗ на случай вселенской катастрофы.

Зато в холодильнике нашлась одинокая банка с этикеткой «Маринованные огурцы», но уже без единого огурца, а только с маринадом, в котором плавал укроп. Еще завалился там кусок обветренного размером со спичечный коробок «Голландского» сыра и кубик сливочного масла в серебристой обертке. Молоко в тетрапаке скисло, зато оставалось пять яиц в пластиковой упаковке.

В общем, это лучше, чем ничего. А главное, яйца, из которых можно соорудить омлет, но без молока, это не вариант. Еще их можно отварить вкрутую. Или пожарить яичницу. Но хотелось чего-то такого, с подвыподвертом.

Можно было, конечно, френдам фейсбучным хелп кликнуть, там найдутся с десяток гоблинов, тот же Гарик, который, если начинает что-то объяснять, то обязательно издадека.

То есть, нет, чтобы сказать просто, мол, тебе понадобятся такие-то и такие-то продукты. Или задать еще более резонный вопрос: а у тебя вообще дома продукты есть? Нет, он начинает с того, что если, к примеру, нужно пожарить что-нибудь, то будет долго нудить по поводу того, какая сковородка лучше всего для этого подходит. В общем, Гарик и иже с ним никак не катили.

А потому я ввела в поисковик одно-единственное слово – «Яйца».

Это было опрометчиво, как ступать весной на реку, еще покрытую льдом. Бац, и пучина сия тебя поглощает.

Гугл обрушился на меня лавиной информации. Искомый объект был представлен во всей широте и многообразии понятий, определений и характеристик. От Космического яйца – прародителя всего сущего до пищевого продукта, богатого фосфором и калием, и до женской яйцеклетки и объекта мужского достоинства, а также знаменитых яиц Фаберже. А сколько оказалось способов использования яиц! Больше всего заинтриговал чей-то совет: закопайте яйцо в цветочном горшке и посмотрите, что получится.

Ясен пень, что получится! Из куриного яйца знамо дело вырастет куриное дерево, на котором будут расти омлеты и отбивные! Страна дураков, блин! А еще, когда зарытый в землю «клад» начнет разлагаться, вам, хомо кретинусам, обеспечен стойкий аромат сероводорода. Вдыхайте, оздоравливайтесь, на курорты ездить не надо. Эссендуки с Баден-Баденом в одном долбаном цветочном горшке. Амбре, хоть святых выноси. Вывод один: хочешь подляну кому-нибудь устроить, закопай ему в цветок яйцо и ничего не говори. Отличный способ расправиться с соседом, который любит по воскресеньям утром врубить дрель.

Словом, с яйцами готовы были проделывать все, что угодно. Но мне хотелось их просто съесть.

В Youtube я нашла одну кулинарную блогершу. Та электровеником металась по своей кухне, мечая на стол миски, банки, ложки-поварешки, на плите у нее тут же что-то шипело-шкворчало, в духовке жарилось-запекалось, а в руках у нее все время что-то мелькало. То скалку она схватит, то какое-то мачете, которым быстро так, как мясник на рынке, порубает мясо. Мне она напомнила многоорукого Шиву.

И тут она вдруг затараторила: а давайте, говорит, приготовим яйца Орсини.

Я на нее смотрю, на многоорукую-то нашу, киваю ей чей-то головой, будто с подружкой разговариваю, говорю ей: а давай! А она выхватывает из плетеного лукошка яйца и так, хлабысь, ловко о край железной чаши миксера разбивает их одно за другим. И трещит при этом без умолку, что, мол, название яиц Орсини, это от имени стародавних графов, или каких там, Орсини. И хрен кто-нибудь теперь узнал бы о рецепте приготовления этих яиц, если бы не потомок, черт знает уже какой их пра-пра-правнук не раскопал бы его в своем итальянском графстве. Короче, обнаружил он этот клочок бумаги, а, может, и не клочок вовсе, но мне так почему-то представилось- живописно выглядит – и отдал художнику Клоду Моне. Потому как итальяшка этот обожал Моне, а Моне оказывается был типичным фуди и собирал кулинарные рецепты.

Дальше я впала в когнитивный ступор. Многоорукая на кухне что-то там взбивала в миксере, орудовала теркой, расставляла какие-то там свои миски-плошки-поварешки – объясняла, значит, как там эти яйца готовить, а у меня в башке засели два демона, теребящие мне мозг: Моне, да таинственный Орсини.

Причем Орсини меня интересовал даже больше всего. Я насчитала двадцать четыре представителя этого древнего рода, начиная с тринадцатого века, включая римских пап, кардиналов и военачальников, и откопала даже генеалогическое древо, из которого напрочь почему-то выпали двести пятьдесят лет. Что там во тьме веков происходило – неведомо. А самое главное, нигде и никто и словом не обмолвился, откуда появились эти самые «Яйца Орсини». Кому

это вообще в голову пришло так изгаляться? Прямо, как загадка Кашеевой жизни и смерти: на острове - дуб, под дубом – сундук, в сундуке- заяц...

Тут сведенный спазмами желудок взбунтовался окончательно, грозя сожрать самого себя.

Я, наконец, разбила яйцо. Белок слизняком тяжело плюхнулся в миску, а за ним из скорлупы норвил выскользнуть желток.

Впервые в жизни я нарушила табу: не фоткать еду. А то так каждый со своим борщом в Инстаграм лезет. В этот раз я тоже свои три копейки вставила. На черную греночку, подсушенную в тостере, выложила дрожащей рукой алкожрицы свой, не побоюсь умереть от нескромности, шедевр – белое облако с желтым глазком посередине. И пусть меня зачморят те, кто скажет, будто я изменила дошику. Но что есть, то есть. Вместо месье Доширака сегодня меня ублажал сеньор Орсини.

От прилива чувств и желудочного сока я выбила на старом Ундервуде одно-единственное слово:

ЯЙЦА

ГЛАВА 10

Ранним летним утром четыре всадника в черных плащах с нависающими до половины лица остроконечными капюшонами, покачиваясь в седлах, неспешно вошли в город через арку Пренестинских ворот и, миновав базилику Санта-Мария Маджоре с венчавшей ее огромной колокольней, двинулись в северо-западном направлении.

В предрассветных сумерках короткой ночи, освещенной лишь редкими проблесками уличных фонарей, почерневших от чадающего в стеклянных светильниках конопляного масла, из синевы исчезающей тьмы, выступали углы и фасады Вечного города. Пройдя краем Эсквилин, всадники продолжили свой путь в сторону Капитолийского холма, и, оставив позади дворцы вечно враждующих друг с другом семейств Колонна, обосновавшихся в Квиринале, и Орсини, занявших противоположную высоту Капитолия, проследовали в сторону Тибра, с возвышающимся над ним Пантеоном замка Святого Ангела.

Рим мирно спал, забывшись крепким сном, какой только бывает на излете ночи, и ни одна душа не слышала мерного перестука лошадиных копыт по выщербленным сотнями повозок и лошадиных подков булыжникам городских улиц, отполированных в довершение башмаками тысяч римских горожан. Узкие улицы, где ютились дома простолюдинов – мелких подмастерьев, разнорабочих – поденщиков и мелкой прислуги, были устланы конским навозом, который старались сметать к обочинам, чтобы во время дождей мощеная дорога не превращалась в непроходимую хлябь. В рытвинах неровной мостовой плескалась вода, смешанная с нечистотами, которые по утрам выносили из жилищ и выплескивали на противоположную сторону улицы, подальше от своего дома, а жильцы домов напротив проделывали то же самое с содержимым своих зловонных ведер. Тут же в дневное время, утапливая лапы в грязи, прохаживалась домашняя птица, выгнанная из клетей, нежились в мутной влаге свиньи, спасаясь от дневного зноя и одолевавших их огромных с изумрудными крылышками мух, для которых обиталища римского плебса становились в летнюю пору настоящим раздольем с многочисленной живностью, нечистотами и остатками еды.

Миновав мрачные и дурно пахнущие кварталы, четверка всадников ступила, наконец, на более просторные и чистые улицы дворцов городской аристократии и почтенных римлян, часть из которых селилась поближе к Леонинской стене, за которой располагалась папская курия.

Путники пересекли мост Святого Ангела и продолжили свой путь, неторопливо двигаясь через Пассетто к папской обители, возвышавшейся своим тиароносным куполом над всем Леонинским предместьем.

Дорогой конники, неведомо откуда и куда державшие свой путь, мерно покачиваясь в седлах, не проронили меж собой ни слова, то ли зная с предельной точностью свой маршрут, то ли полагаясь на лошадей, ведавших сами, куда им следует двигаться. Да и время для своего путешествия неизвестные выбрали верное: кто в предрассветной мгле, станет выглядывать из окон, заслышав цокот копыт? Даже стражники у ворот виридария замка Святого Ангела, застывшие у входа в карауле, без расспросов, двигаясь, словно сомнамбулы, отворили двери, пропуская вовнутрь четверку наездников. Владения Первосвященника спали сном праведника. И кто мог, тем более с высоты конского крупа, разглядеть в предрассветном полумраке невысокого смуглоликого юношу, вжавшегося при виде незнакомцев верхом, в зелень миртового куста, пахнувшего на него горьковато-травянистым ароматом изумрудной листвы. От посторонних взглядов и возможности быть обнаруженным, спасла его не только темнота, но и серая холщовая куртка, надетая поверх белой рубахи. Как его чуткие ноздри защекотало от терпкого мускусного запаха лошадиных тел, так и нутром молодой человек почувствовал, что неожиданная встреча с этой мрачной четверкой, лиц которой, наверное, не разглядеть было

бы из-под низких капюшонов и при свете дня, не сулила ему ничего хорошего. Кто тайком пробирается к цели, вряд ли желает быть узнанным.

Кому, как не ему, Зафиру, это было знать? Оставаться незамеченным, скрываться по необходимости от чужих глаз – эту науку он усвоил с детства.

Сейчас, по прошествии лет, в памяти время от времени всплывали размытые воспоминания, как совсем еще ребенком он плыл на корабле, но откуда и куда шло это судно, он представлял смутно. Судя по имени, которое он, конечно, к тому возрасту уже успел усвоить, мог только догадываться, что предки его, вероятнее всего, были родом из Магриба, но попали ли они на Апеннины прямоком с Севера Африки, или добирались сюда какими-то другими путями, Зафиру было неизвестно. До сих пор для него оставалось загадкой и то, как он мог попасть на тот корабль, покинувший по непонятным ему причинам одни берега и причаливший к другим. Но все многократные попытки вернуться мысленно в те дни, когда, будучи еще совсем ребенком, он оказался на палубе парусника, отправившегося в неведомые дали, не приносили никаких результатов. В памяти всплывали лишь обрывки воспоминаний: морской ветер, оседавший горькой солью на губах, грубые голоса мужчин, то и дело ловко вскарабкивавшихся и спускавшихся с корабельных мачт, скрип тяжелых и огромных, как стволы эвкалиптов, весел, вот, пожалуй, и все, что запомнилось из того далекого и кажущегося теперь, каким-то невсамделишным, будто в сказках, прошлого. Он помнил, как проваливаясь постоянно в голодную дремоту – желание есть преследовало Зафира потом еще годами, прижимался головой к мягкому женскому плечу. Даже узор ткани на ее платье запомнился на всю жизнь: на темно-зеленом полотне желтые вытянутые пятна с черной каплей зрачка по середине – как глаза тигра или ягуара – этих диковинных животных он увидел уже гораздо позже, повзрослев, здесь в Риме. Хищников везли по городу в больших деревянных клетках. Вот тогда, заглянув впервые в глаза этих диких кошек, Зафиру вспомнился и тот рисунок на платье женщины, прижимавшей к себе истощенного, изнывающего от жажды, ребенка. В такие минуты он явственно ощущал прикосновение ее рук, поглаживающих его по голове и слова, которые она постоянно при этом повторяла: Зафир, *habibi*⁶, *sgiri*⁷, *omri*⁸. Что они означали, юноша узнал спустя годы. А по началу, сойдя на берег в полном одиночестве – он и не помнил, куда подевалась та, в пестром платье, что гладила его по голове, прижимая к груди.

Мальчика встретили генуэзские труппы с узкими, зажатыми меж плотно теснившихся потемневших до черноты от времени и грязи стен домов улицами, где едва мог пройти один человек. Даже высоко поднимавшееся над городом полуденное солнце никогда не заглядывало в окна этих мрачных жилищ, где ютился портовый люд, занимавшийся разгрузкой и погрузкой купеческих товаров и промышлявший здесь же воровством среди зазевавшихся или изрядно захмелевших от дешевого вина в какой-нибудь местной таверне горожан. Тут же шла торговля всем тем, чем можно было поживиться у заезжих гостей и предпочтительней задаром, стянув незаметно, если повезет, с торговой лодки то бочонок с маслом, то мешок пряностей или трав. На голодного и завшивленного ребенка мало кто обращал внимание – много тут таких бродяжек-побирушек, невесть откуда приبلудившихся. Для Зафира это было и хорошо, и плохо. Хорошо, потому как мальчишке удавалось что-то украдкой стянуть с ярмарочных прилавков или со столов в тавернах, оставаясь при этом незамеченным из-за малого роста. Плохо, что вынужденное воровство было единственным и не очень надежным источником выживания. Летом, пока еще стояла жара не приходилось даже задумываться о крыше над головой – ночлег был всюду – на связке пеньковых канатов в порту, под раскидистым деревом, укрывавшем от

⁶ Habibi (араб.) – любимый

⁷ Sgiri (араб.) – мой малыш

⁸ Omri (араб.) – жизнь моя

дневного зноя или ночного дождя, прибывавшего хоть на время пыль и дарующего свежесть и прохладу.

Хуже стало к зиме, когда заметно похолодало, а Зафир, как был в простых льняных штанах и рубаше, превратившихся за это время в грязные лохмотья, так и оставался в том, в чем сошел на берег. Возможно, он и не пережил бы ту первую свою генуэзскую зиму, если бы голод и холод не загнал его однажды в пекарню. Там было тепло и пахло хлебом. Он незаметно прокрался в помещение и примостился под массивным столом, на который вываливали из деревянных ведер квашню, а затем, присыпая мукой, раскатывали то в круглые караваи, то в вытянутые колбасы из теста, а то просто разминали руками, превращая в плоские лепешки. Одну, такую, только что вынутую на деревянной лопате из печи, с неровной пузырчатой поверхностью с белёсым налетом муки и местами обуглившейся от огня, Зафир схватил со стола, обжигая пальцы и пряча за пазуху. Хлеб не только дразнил своим пшеничным запахом, но и согревал. От разлившегося по телу тепла и съеденной до последней крошки лепешки, мальчишку разморило. Уснувшего прямо под столом чумазого с раскрасневшимися от печного жара щеками его и застал пекарь Отто. Будучи сам восьмым ребенком в семье, он решил, что прокормит и этого голодранца, ставшего пятым среди его собственных детей. Поскольку ребенок выглядел диковатым даже после того, как его жена Мафальда, хоть и ворча – о, мадонна, к чему нам лишний рот, -но отдраила до красноты давно немытое тело, а Отто сбрил ему свалывшиеся волосы, унизанные белыми бусинами яиц, еще не вылупившихся вшей. Найдёныш оказался на редкость молчаливым, смотрел на всех исподлобья, насупившись, как его звать, не сказал. Недолго думая, Отто сам дал ему имя – Эспозито-Найденыш.

На новое имя Зафир не сразу, но со временем стал откликаться. Сообразил, что обращаются именно к нему. Остальных детей по началу сторонился, да и они разглядывали чужака, кто с любопытством, а кто с настороженностью. Языка, на котором говорили в семье Отто, Зафир не понимал, но довольно быстро усвоил обиходную речь, хотя по-прежнему отмалчивался, только кивал всякий раз головой, когда к нему обращались, и не всегда впопад.

– Он что, немтырь? – не выдержала как-то раз Мафальда, наблюдая за приемышем. – Что с ним делать-то? – вопрошала она с досадой мужа. – Как он дальше то будет? Ни слова от него не добьешься.

– Ничего, – успокаивал Отто жену, а заодно и себя, – месить тесто и печь хлеб, тут не язык, а руки нужны. А руки у Эспозито есть, значит научится. Да и голова вроде на плечах тоже имеется... – добавлял всякий раз он, глядя, что мальчишка, хоть и молчит, но понимать все больше понимает, что ему говорят.

Отто было невдомек, что мальчик может просто не знать их языка. А на иных пекарь и не говорил. Да и поди разберись, какого роду племени этот бродяжка! Кого только в Генуе не повстречаешь! А с виду Зафир не слишком отличался от его сыновей, двое из которых были постарше его, а один- последний ребенок Отто- едва научился стоять на ногах. Мальчики все были темноволосы, но сероглазы. Похожи на них были и обе сестры, одна из которых явно была одногодкой Зафира, а другая чуть старше. Что отличало его от остальных детей, так это более смуглая кожа и черные, как маслины глаза, которых ни у роду Отто, ни у Мафальды отродясь ни у кого не было.

«Хабиби, сгыри, омри», – шевелил одними губами Зафир, боясь даже собственного шёпота, пока темные фигуры неизвестных всадников не исчезли из виду. Слова из далекого прошлого стали для юноши своего рода заклинанием, словесным талисманом, спасавшего его от невзгод и ограждавшего от напастей.

Глухой топот копыт о пыльную грунтовую дорожку рассеялся вдали. Осторожно вглядываясь в предрассветную сизую дымку и вслушиваясь в каждый шорох, Зафир не заметил ничего, кроме рыжегрудых зарянок, перепархивающих с ветку на ветку и нарушающих тишину раннего утра взмахами своих легких крылышек. Только тогда он вышел из убежища миртовых

кустов, скрывавших его от неизвестных гостей, не понятно откуда и неизвестно к кому и зачем прибывших в замок Святого Ангела.

ГЛАВА 11

Где-то за римским холмами брезжил рассвет. Неспешно поднимавшееся из-за невидимого горизонта весеннее солнце подсвечивало облака, громоздившиеся над городом, словно вершины огромных, до самых небес, гор, покрытые плотным ковром цветущей лаванды. Пройдет еще немного времени и лиловый оттенок сменится на нежно-бархатистый амарантовый. А значит Зафиру следует прибавить шаг, чтобы не оказаться застигнутым врасплох. В эту беспокойную пору, которую переживал Рим, не стоило попадаться на глаза не только незнакомцам, но и дворцовым охранникам. Валясь с ног в утомительном ночном карауле, они не станут разбираться, кто свой, кто чужой. Легко оказаться принятым за лазутчика. Да и на кухне, если спохватятся, что его нет на месте, ему несдобровать. Заметит еще прислуга, делившая с ним ночлег в общей комнате, что тюфяк, набитый соломой, служивший ему постелью, уже порядком успел остыть. Начнутся расспросы, а это Зафиру ни к чему. Нет, он бы и глазом не моргнул, напелел бы Козимо, который верховодил на замковой кухне всеми работниками и распорядился всей папской снедью, что, мол, не спалось, вышел по утру пораньше из душной спальни, пропахшей испарениями полдюжины мужских тел, на свежий воздух. Но Козимо с его вечно полузакрытыми, будто отяжелевшими от того, что этот немолодой придворный повар уже успел повидать на своем веку, глазами, даже из-под опущенных покрасневших век способен был распознать нехитрую ложь. А если уж он почует, что его кто-то пытается провести даже по пустякам, то старик, каковым он был в представлении Зафира, спуску не даст. Придумает непременно какую-нибудь отвратительную работенку для хитреца. Скажем, очистить котел от застывшего курдючного сала или вынести помой, а то и накормит розгами за пушую провинность. Чтобы впредь не повадно было, как любил он говаривать, наказывая лодыря или вралю.

Словом, попадаться кому-либо на глаза Зафиру не стоило. А потому он тихо, на самых цыпочках, двигаясь осторожно, как кошка, чтобы не дай бог в полутьме не задеть ногой отставленную у печи кочергу или не толкнуть случайно локтем латунный подсвечник, прокрался к своему лежаку и тенью скользнул под грубое шерстяное одеяло. Только тогда он позволил себе осторожно неслышно выдохнуть. Словно выпустил остатки воздуха из надутого бурдюка, и только тогда закрыл глаза. Времени на сон уже не оставалось, того и гляди, завозятся в клетях на заднем дворе куры, разбуженные кочетами. А те, размяв пестрые крыла, тряхнув багряным гребнем, начнут прочищать горло на заре, и хочешь не хочешь придется подниматься снова. Но когда веки слипаются от бессонной ночи, даже несколько мгновений утренней дремоты покажутся сладким сном.

А тогда, в полуночной тьме, преодолев на одном дыхании путь от замка Святого Ангела до дворца Санта-Мария-ин-Портико, и пробравшись только известным ему потайными ходами к небольшой комнатке, где спала Пантасилея, Зафир нисколько не испытывал усталости, хотя позади был день, полный нескончаемых, как ему тогда казалось, повседневных забот. Он потрошил рыбу и птицу, чистил корзинами морковь и репу, прокручивал тяжеленные вертела и перетаскивал десятки увесистых котлов, в которых кипятилась вода или булькало варево.

Весь этот день он думал только об одном: когда работа будет закончена и замок забудется ночным сном, а он отправится в свое самое упоительное путешествие от дворца к дворцу, где его ждет Пантасилея. А та, в свою очередь, удовлетворив все нужды и прихоти своей госпожи: одевая и переодевая ее, помогая умываться и менять наряды, заплетая косы, бегая то туда, то сюда со множеством поручений, не имея, порой, ни минуты покоя, наконец, уединится в своей камерке. И вот тогда, прислушиваясь чутким, приученным к малейшим шорохам, ухом, тихо все ли в господских покоях, присядет на кровать и, вынув из-под подушки маленькое овальное зеркальце с серебряной ручкой- подарком своей госпожи – Лукреции- бросит взгляд

на свое отражение. Поправит выбившуюся прядь волос и, смочив слюной указательный палец, проведет им по бровям, чтобы выровнить их изгиб.

До Санта-Мария-ин-Портико Зафиру удалось добраться только за полночь. Он пробрался на задний двор, тенью метнулся к неприметной двери с не задвинутой до конца щеколдой, которую он наловчился отодвигать проржавленным длинным гвоздем, заблаговременно, еще при самом первом свидании с Пантасилеей, припрятанным между кирпичной кладкой. Медленно, привалившись плечом, надавил на дубовый массив проема, и, чуть приоткрыв его, проскользнул в щель. Тьма за дверью стояла кромешная, но Зафира это не пугало. Чуть вытянув вперед руку, он двинулся вперед, ступая шаг в шаг, как кошка, угадывая наощупь уже знакомые предметы: пирамиду вставленных друг в друга пустых корзин, бочонки с маслом, которые касались ног пузатыми боками- все это были уже знакомые Зафиру ориентиры, направлявшие его по нужному пути.

Миновав подсобные помещения, он двинулся по первому этажу, неслышно скользя мягкими башмаками по мраморным плитам, к комнатке, где ютилась его возлюбленная. Ему показалось, что Пантасилея приоткрыла дверь даже чуть раньше, чем он успел поскрести в нее пальцем, подавая сигнал, что он уже на месте. Виделись они не часто. Только, когда монна Лукреция навещала отца и братьев в замке Святого Ангела. И только в те немногие случаи, когда брала с собой Пантасилею. По началу они несколько раз обменялись с ней взглядами, когда девушка оказывалась на замковой кухне. У нее были зеленые глаза. Это первое, что приметил Зафир, когда увидел ее. Потом мягкий изгиб бровей, которые были темнее ее светлых с рыжиной волос, заплетенные в косы и собранные на затылке. Прямой аккуратный нос, мягкий чувственный рот и округлый подбородок. Когда она улыбалась, на щеках появлялись ямочки, а редкая россыпь веснушек довершала ее облик, придавая коже лица какую-то особую прозрачность. Будь он художником, как тот мастер, что с недавних пор поселился в замке, распиливая интерьеры апостольских покоев, он бы обязательно нарисовал бы портрет Пантасилеи! Так считал Зафир, ловивший ответные взгляды служанки Лукреции Борджиа.

По началу девушка лишь скользнула по нему глазами, потом чуть дольше задержала на нем свой взор и, наконец, взглянула на юношу вопросительно. Зафир не настолько был опытен во всех этих переглядываниях с девицами. Да и на кого был смотреть ему в замковой кухне?! Ну уж не на раскрасневшихся же от жара печи поваров, крепкими сноровистыми пальцами ощипывающих кур и каплунов, месивших жилистыми руками тесто. Или на дебелих прачек, орудовавших рубелями для стирки белья, выколачивая его так, что пот струился под рубашкой, стекая тонкой струйкой к расплывшимся грудям? Пантасилея, в отличие от простых прачек да кухарок, что сродни были дородным караваям, которые они пекли, представлялась Зафиру изысканным лакомством. Как миндаль в меду, который он ей приносил, завернув в белоснежную тряпицу, или апельсиновые и лимонные цукаты. Он сам любил сласти, перепадавшие ему изредка с хозяйского стола, приберегал их, чтобы побаловать свою возлюбленную. Он бы принес ей и веточку цветущего миндаля, если б удалось сохранить его свежесть до столь позднего свидания. Но цветы для него были еще большей роскошью, нежели горсть сладких орехов и фруктов, которыми он угощал Пантасилею.

При слабом мерцании свечи, в полутемной своей камерке, Пантасилея казалась Зафиру еще красивее, чем при свете дня, зелень ее глаз глубже, чуть припухлые губы еще желаннее. Чтобы скрыть свое волнение, он принялся рассказывать всякие забавные истории из жизни замка. Правда, кругозор повара был невелик, ограничивался лишь кухней, да залом для трапез, куда его, приодетого для появления перед самим Родриго Борджиа и его приближенными, время от времени выпускали. Зафир в лицах и довольно живо показывал свое окружение, представляясь то главным папским кухарком Козимо, взирающим на все тяжелым взглядом своих полуприкрытых глаз, то толстозадую прачку Франческу, умудрявшуюся при каждом движении сшибать своими необъятными бедрами то площадки со стола, то кувшин с водой. Он даже посяг-

нул изобразить сына папы Чезаре, кардинала Валенсийского, застав его как-то раз в саду замка, когда тот, сняв с лимонного дерева один из созревших с бугристой коркой плодов, разрезал его пополам, впившись зубами в мякоть. Он видел, как от лимонной оскомины перекошилось лицо кардинала и свело скулы. Пантасилею эти истории порядком развеселили, да и сам Зафир, вдохновленный сдавленным, чтобы не дай бог никто не услышал, смехом девушки, разошелся не на шутку, позабыв об осторожности. Рядом как никак была комната самой Лукреции Борджиа.

–Т-ш-ш, – Пантасилея накрыла ладонью рот Зафира, услышав, как в покоях госпожи хлопнула дверь.

Зрачки ее глаз от испуга расширились, от чего казались теперь совсем черными. От ладони девушки исходил аромат лаванды, нежно щекотавший ноздри юноши. Пантасилея все еще продолжала зажимать ему рот рукой, прислушиваясь к чьим-то удаляющимся за дверью шагам, а Зафир, сам того от себя не ожидая, вытянул горячие губы и коснулся ими ее ладони. И этот поцелуй напомнил обоим, что встретились они здесь совсем не ради лакомств, принесенных Зафиром, и не его веселых баек, которыми он потчевал девушку. Но эта продолжительная прелюдия обоим была необходима, чтобы отодвинуть момент, когда слова уже будут не нужны.

Пантасилея это почувствовала, одернула ладонь, будто поцелуй юноши обжег ее огнем, и даже отпрянула назад. И в тот же миг Зафир притянул ее к себе, усаживая на колени, а губы его скользили по тонкой шее девушки, затем к щеке, к виску, минуя ее полураскрытые то ли от испуга, а, может, и сладкой истомы, губы.

– Хабиби, – прошептал он едва слышно, одним губами слово из далекой прежней жизни, которое время от времени всплывало у него в памяти, но которое он почти не произносил вслух.

– Что? – выдохнула ему в ответ Пантасилея, отрывая губы от его рта.

Но пускаться сейчас в объяснения Зафиру хотелось меньше всего. Потом, как-нибудь, он все ей расскажет. Но только не сейчас. Не до того. Не время.

Тело Пантасилеи делалось все более податливым, как тающий в руках воск, и напряглось только, когда Зафир, преодолев все преграды платья, нижней юбки и нательной рубашки, коснулся ее обнаженного живота, а затем его пальцы, хоть и загрубевшие от работы, но тонкие, скользнули еще ниже. Пантасилея, уступая его ласкам, хотя сама, не имея любовного опыта, инстинктивно все плотнее прижимала юношу к своему телу. Неожиданная боль, о которой она хоть и была наслышана от более опытных товарок, что это неизбежно при первом соитии, заставила выгнуться ее дугой и попытаться отстраниться от Зафира. Но он осторожно снял ее руки со своей груди и, заведя ей их за голову с расплескавшимися по подушке волосами, накрыл своими губами ее губы, подавляя крик, готовый вырваться у нее из груди.

– Ты чего там строчишь?

Ленка сунула свой нос в ноутбук Эстер. Та даже не заметила ее появления за спиной.

Ранним утром в кафе телецентра народу не было. Так, пара-тройка человек завтракали после ночной смены. Свои, редакторские, в такую рань сюда заглядывали редко, а потому это, пожалуй, было единственным местом, где Эстер казалось можно спокойно уединиться.

– Что пишешь? – Ленка хитро смотрела на Эстер своими светло-кариими, почти желтыми лисьими глазами.

– Да так. Ничего, особенного, – Эстер с глухим раздражением захлопнула ноутбук и вспомнила о своем давно остывшем кофе.

– Хочешь? – Она подтолкнула в ее сторону коробку с рахат-лукумом.

– Не могу. У меня гипергликемия с тяжелой декомпенсацией, – соврала Эстер, отодвигая сладости.

Чем запутаннее звучала фраза, тем большее внимание вызывал у Ленки человек, ее про-износивший.

– Что правда? – недоуменно воззрилась та на Эстер, переваривая услышанное и явно не понимая смысл сказанного.

– Слышала про конкурс?

Ленка умела при этом мгновенно переключаться на другие темы, особенно если затро-нутая ею тема занимала все ее воображение. Она с деланной беспечностью, что означало важ-ность предмета разговора, болтала трубочкой в стакане с клубничным смузи.

– Какой конкурс? – Эстер поправила на носу очки, вглядываясь в Ленку, которая со сво-его стакана переключилась теперь на созерцание темно-бордового лака на ногтях.

– Ну, мать, ты даешь! – усмехнулась та, вскидывая удивленный взгляд. – Ты что, опять в коме была, когда объявляли, что можно подавать заявки на конкурс программ на новый сезон?

– А что? Какие заявки?

Эстер явно была не в курсе. «Как всегда все сплетни я узнаю последней», – обычно отшу-чивалась в подобных ситуациях она.

– Да любые! – Ленку воодушевляла неосведомленность коллеги. – А ты зайди к Главному, спроси...

– Всенепременно! – съязвила Эстер

Ленка пристально и, как показалось Эстер, даже с ревностью проводила ее взглядом, когда Редактор сам пригласил ее в свой кабинет.

– Вот, читай, – он сунул ей под нос какие-то бумаги. – Вчера получили. Прямо оттуда, – Редактор неопределенно мотнул головой вверх, давая понять, что почта пришла из главного офиса телеканала.

Одно письмо было из больницы, куда прорывалась Эстер, чтобы увидеться с тем раненым во время беспорядков пареньком. Подписано оно было главврачом, возмущавшимся наруше-нием порядка сотрудниками телевидения, действовавшим вопреки всем запретам медперсо-нала на общение с пациентом. Второе – от родителей того же самого мальчишки, грозивших телеканалу судом за несогласованную с ними съемку их сына.

– Да, но... – Эстер взяла оторопь.

От клокотавшего возмущения, вызванного особенно жалобой родителей мальчишки, в горле встал комок.

– Как разруливать теперь все будешь? – Редактор выжидающе смотрел на Эстер.

– Я? Но они же... Мамаша эта сама меня тащила к сыну. Поговорите, поговорите, он все расскажет, он не против...

– Но ты-то должна была понимать, что люди в шоке были! Мало ли что наговорить в таком состоянии можно?

Эстер по началу казалось, что Редактор так, больше для виду напускает на себя строгий вид, и что сейчас они вместе обдумают, как выйти из положения. Не в первой же! И другим приходилось отчитываться перед возмущенными участниками репортажей, посчитавших, что репортеры недостоверно изложили факты. А бывало, что и сами люди, ввязавшись в конфликт-ную ситуацию, просто шли на попятный и желали потом публичной сатисфакции.

– А что мы, собственно, такого там сняли?

К Эстер вернулось самообладание и от минутного косноязычия не осталось и следа.

– Пацана на носилках? Мамашу, кидающуюся на грудь к сыну? Что?

– Вы не согласовали съемку в больнице, вот что!

Редактор выхватил из ее рук письма и швырнул их на свой стол и зачем-то принялся суетливо переставлять пластиковый стакан с ручками и карандашами, перекладывать с места на место зажигалку, сотовый, коробку с рахат-лукумом.

Точь-в-точь такую, что до этого предлагала Ленка, – заметила Эстер.

– Ну ладно. Что мне теперь грозит? Пятнадцать лет расстрела? – проговорила она, все еще пытаясь вернуться в стойку, как боксер на ринге, который только что схлопотал хук слева.

– Увольнение! Вот что! – Редактор хлопнул ладонью по столу, едва не опрокинув чашку с недопитым кофе прямо на компромат против своей подчиненной. – Там настаивают... – Он снова кивнул куда-то вверх.

– А-а-а, ну понятно...-протянула Эстер, догадываясь откуда ветер дует.

Еще в самом начале, когда она в редакции была совсем новичком, ее пытались уволить. На этом настаивал сам руководитель телеканала. Смешно сказать – за отклеившийся логотип на поролоновой насадке микрофона. Но потом наверху пошумели и затихли. Правда, Редактор не преминул заикнуться Эстер, что убедить шефа не принимать скоропалительных решений, ему стоило немалых трудов.

– Боюсь, не все тебе еще понятно, – Редактор недовольно взглянул на нее, раздраженный, видимо, ее показной беспечностью. – В общем, пиши объяснительную.

Эстер, решив, что разговор на этом закончен, двинулась к двери.

– Ты куда? – рявкнул Редактор.

– Так объяснилочку пошла писать...

Он только махнул ей вслед рукой. Вышло это у него совсем как-то не зло, а безысходно, как показалось Эстер. Она шагнула в дверь, которой чуть не сшибла с ног стоявшую за ней Ленку.

– Ну как? – та с любопытством смотрела на Эстер, ожидая подробностей.

– Все, прох...чила ты свой конкурс! – строго взглянула на нее Эстер, возвращаясь к своему столу.

Ленка застыла на секунду, хлопая своими наращенными ресницами и явно что-то быстро прокручивая в уме, и метнулась в кабинет к Редактору.

Эстер смахнула в рюкзак свой рабочий блокнот и решительным шагом направилась к выходу, кинув в мусорную корзину оставшиеся не прочитанными пресс-релизы.

ГЛАВА 12

Сон был, как погружение в плотную, обволакивающую субстанцию, которой обладает, пожалуй, только черный цвет. Так по крайней мере казалось Эстер. По началу ты боишься пошевелиться, прислушиваясь к своим ощущениям. Потом пытаешься пошевелить руками и ногами, повернуть голову и замечаешь за собой непривычную вязкость движений, будто ты оказался в тягучей болотной жиже.

Время от времени она просыпалась, вперившись невидящими со сна глазами в пространство комнаты, и не узнавала ничего из того, что ее окружало. Она не понимала, где находится. Что эта за квартира, казавшаяся ей совершенно незнакомой, и что там за окно. Точно ли тот двор, обсаженный липами и черемухой с квадратом песочницы в обрамлении скамеек? Или это совершенно другой дом, двор и улица? «Где я?», – в судорогах билось ее сознание. Какой сегодня день недели? Понедельник? Четверг? Или, может, суббота? Голова кружилась от внезапного пробуждения, как если после сна резко встать с постели. И только, когда этот дьявольский раскрученный кем-то волчок прекращал вращаться, взгляд, наконец, фокусировался на скользящих по декоративной кирпичной стене тенях. Становились узнаваемые очертания привычных предметов. Вот вешалка-перекладина, темнеющий провал кухни с высоким столом-стойкой, на котором остался незакрытым с вечера ноутбук, на полу под окном горшок с Сансевьерой, похожей на острозаточенные лезвия мечей. Растение было куплено на цветочной распродаже в супермаркете исключительно из-за ярко-зеленого цвета листьев – радуют глаз, и потому, что неприхотливо, не требует особого ухода. В аннотации к упаковке так и говорилось: «практически невозможно погубить, даже если вы не будете к ней подходить полмесяца». Эстер облегченно вздохнула, а через несколько мгновений снова проваливалась в сон. Темный и беззвучный, как вакуумная камера. Она как-то раз бывала в такой. В ней тестируют аудиотехнику. Обитые звукопоглощающими панелями стены полностью вырывают тебя из действительности. Вся твоя реальность – это полумрак и пустота, в которую ты погружен. Ориентиры в пространстве сбиты. Единственное, что ты способен слышать – биение собственного сердца. Кто я? Сначала удивленно, а потом вопя от безответного вопроса бьется в истерике твой мозг. И, наконец, до тебя доходит: ты – всего лишь звук.

– Э-э! Вставай!

Тормошил Зафира за плечо конюх Паоло. Узнать его можно было, не открывая глаз и даже, если бы он молчал. Только по вьевшемуся в кожу и поры конскому мускусному запаху.

Зафиру казалось, что он только закрыл глаза, проваливаясь в сладкий сон, как приходится вновь подниматься.

«Лучше бы и не ложился», – Зафир едва смог оторвать тяжелую голову от подушки.

Чтобы сбросить с себя сон, навалившийся на него тяжеленным камнем, он опустил голову в чан с холодной водой. Потом, встряхнув намокшими волосами, от которых в разные стороны разлетелись тысячи мелких брызг, постоял еще немного, покачиваясь от головокружения, вызванным резким пробуждением, и двинулся на кухню.

– Гляньте только! Эка невидаль!

Навстречу Зафиру бежал один из поварят, недавно принятый Козимо для учения.

– Белая курица снесла рябое яйцо!

В раскрытых ладонях у него и впрямь лежало все в желтых да в коричневых крапинах яйцо.

– Точь-в-точь такое, как говаривали, снесла курица в день новоявления Марка Аврелия! – перекрестился мясник, закидывая на плечо увесистый топор.

– А это к чему? – удивленно посмотрел на него Зафир.

– Да кто его знает... – равнодушно пожал плечами тот и направился в кладовую.

Пока на кухню не нагрязнул Козимо, работники двигались кое-как, медленно и с ленцой, словно осенние мухи. Слуги не спеша носили поленья дров со двора для розжига большого очага, на который потом водрузят котел для варки супа. Поварята таскали ведрами воду, заливая ее в чан, мальчишки-подручные, кто растапливал печь, где будет потом томиться котелок с просяной кашей-обедом для работников, кто перебирал овощи и крупу, мясники натачивали свои топоры и ножи для свежевания туш и разделки мяса для жаркого.

Приподняв крышку липовой кадушки с замешанной еще накануне квашней, Зафир обмял отстоявшееся тесто, давая ему в тепле от пылающего очага подняться во второй раз. Вот тогда наступит его черед месить, раскатывать, формовать округлые буханки и лепить небольшие, размером в пол ладони булочки. А пока есть время самому перехватить кусок серого ноздреватого хлеба, оставшегося еще с вчера, запив этот нехитрый завтрак кислым красным вином, разбавленным водой. Приниматься за дело совсем не хотелось, а потому Зафир не спеша жевал свою краюху, заклиная, чтобы главный повар Козимо хоть еще ненадолго задержался. Но вот уже доедены были последние хлебные крошки, выпиты последние капли вина в стакане, а главный повар все не являлся, давая возможность своим подручным почесать языками. Этого удовольствия они были лишены во время работы. Козимо, не терпел на кухне лишних разговоров не по делу, а тем более сквернословия, которым нередко грешили поварята и обслуга.

– От богохульства и брани молоко сворачивается, опара не поднимается, и каша горчит, – приговаривал он всякий раз, давая бесстыднику увесистый подзатыльник.

Прямо, как папаша Отто, вспоминал Зафир. Тот к выпечке хлеба относился, как священнодействию. Пока пасынок, нареченный с его легкой руки Эспозито, был еще достаточно мал, доверял ему только просеивание муки, попутно раскрывая мальчишке премудрости своего ремесла. Учил из какого помола зерна, что выпекают. А чтобы караваи подольше не черствели, надо в тесто вареного гороха добавить, – делился он секретами своего мастерства. Говорил всегда о хлебе как о живом существе.

– Глянь, – Отто всматривался в хмурое темное небо, нависшее над городом, как упавшая скала, – гроза идет. Тесто сегодня всходить будет медленнее, – поучал он.

Объяснял Зафиру, что квашня всякий раз по-иному себя ведет: жара стоит или холода подступают, убывает луна или ожидать новолуния. И так же, как и Козимо, не терпел ругани в своей пекарне: оскорбить словом тесто все равно, что мать...

Но пока Козимо отсутствовал, установленные правила можно было не соблюдать. А потому один из поварят чертыхался, ударившись о неубранное полено для розжига печи, другой во всех подробностях расписывал свои похождения с прачкой, не стесняясь прилюдно перечислять, сколько раз и как они предавались желанию в комнате для глажки белья.

– Вот заглянула бы туда ее мамаша, отутюжила бы твою задницу утюгом! – посмеивались повара, подзадоривая своим смехом рассказчика.

– А ты чего смурной? – обратил один из них внимание на Зафира, отсиживавшегося в углу и в общем разговоре участия не принимавшего.

Сальные шутки его не веселили, напротив, вызывали отвращение, еще больше усугубляя контраст между разбитной прачкой и похотливым кухарем, и трепетной Пантасилеей. Одно только воспоминание о ней заставляло гулко биться в учащенном ритме сердце и сжимало в любовном томлении нутро.

– Будешь смурной, если всю ночь не спать, – опередил с ответом Зафира снующий рядом поваренок с торчащими вперед крупными зубами, делавшими его похожим на кролика. – Я видел, как он крался утром.

«Вот паршивец!» – поморщился Зафир, метнув в болтуна недобрый взгляд своих черных глаз. Но мальчишка, пробегая мимо и разоблачив на ходу Зафира, даже не глянул в его сторону.

– Во как! – мясник, прислушивавшийся к общему разговору, бросил разделывать кроличьи тушки, громоздившиеся у его ног в плетеной корзине, и воткнул топор в чурбан. – Наш пострел везде поспел? – он заговорщицки подмигнул Зафиру. – Неужто та кружевница из лавки Розалинды?

Зафиру не хотелось втягиваться в этот разговор, и уж тем более обсуждать при всех Пантасилею, существование которой в его жизни, он хотел сохранить в тайне от других. Чужие, охочие до сплетен языки, чего доброго, сглазят еще его счастье и осквернят чистоту возлюбленной.

Он успел только досадливо махнуть рукой, будто соглашаясь с догадками мясника, но не успел прибавить к своему жесту ни слова, как в кухню решительным шагом вошел мажордом Апостольского замка Дезидерио Дукато, прервав своим появлением фривольные разговоры.

– Уважаемого Козимо свалила хворь, – объявил он присутствующим, важно обведя взглядом кухню, как если бы объявлял о появлении важной особы, – вам придется управляться без него. А ты, – мажордом выискал среди поваров, пекарей и свежесвалыщиков мяса, смуглого юношу с черными, как уголья, глазами, – будешь сегодня за главного, – ткнул он пальцем в Зафира. – Так Козимо сказал, – добавил он, сразу же предупредив возможные вопросы относительно выбора на роль главного повара парнишку, который ничем среди прочих не выделялся.

– Видать Козимо вчера гороховой каши объелся. Кишки ему скрутило, – с ехидной ухмылкой высказал предположение о его внезапной болезни один из поваров и, высунув язык, издал неприличный звук, едва только Дезидерио Дукато удалился.

Отсмеявшись шутке товарища, все воззрились на Зафира. Кто-то в ожидании его распоряжений на правах главного, а кто-то глядел на юношу завистливым и ревнивым взглядом, прикидывая, чтобы устроить ему такого, чтобы тот, не дай бог, не возомнил о себе много.

От пристальных взглядов и воцарившейся в огромной замковой кухне тишине у Зафира все сжалось внутри, а в горле встал комок. Зачем это хворый Козимо выдумал назвать его своим заместителем? Почему не кого-то другого из поваров, постарше, а значит опытнее, чем он? Зафир, конечно, знал, чем и как живет кухня замка Святого Ангела. Четвертый год уже пошел, как он покинул Геную, приютившую его на добрый десяток лет. За то время он научился у Отто премудростям хлебной выпечки и перенял от Мафальды, кормившей многочисленное семейство с оравой ребятишек, умение потрошить рыбу и птицу, варить похлебку и каши. Но то была нехитрая еда городского люда, а не римской знати. Тонкости высокой кухни он постигал уже вдали от дома, проделав извилистый путь от Лигурийского побережья до Флоренции, где пристроился в дом торговца тканями, в лавку к которому захаживали состоятельные горожане, а некоторые из них еще и сживали с хозяином за одним столом. Потом, уже добравшись до Вечного города, перекочевал в семейство ювелира, на кухне которого, работал подручным у его повара, шлифовал свои кулинарные познания. Затем судьбе юноши было угодно предоставить ему место на кухне в Апостольском замке, куда мальчишка, неизвестно какого рода племени, даже и не мечтал попасть.

И вот теперь ему выпала обязанность стать главным поваром папского двора. На день? Два? Зафир не уверен был сейчас, что рад этому обстоятельству. Скорее, наоборот.

Он подошел к шкафу, где хранил свои бумаги Козимо, в которые каждый день вносил списки блюд обедов и ужинов папского двора, тщательно расписывая рецепты, скрупулезно перечисляя состав продуктов и их количество. Должность обязывала его отчитываться о качестве еды, которую готовили для главы церкви и его окружения, и согласовывать закупку продуктов.

Зафир вперил невидящий от охватившего его волнения взгляд в испещренные угловатым почерком листы, не понимая ни слова из того, что там было написано. Новоявленный главный повар замка Святого Ангела не умел читать! А если бы умел, то обратил бы внимание на заголовки фолиантов, громоздившиеся на столе Козимо, которые тот изучал по вечерам,

когда работа на кухне затихала. Папский повар штудировал труды древних: Плиния и Апиция, посвятивших немало времени описанию блюд. Козимо мечтал, что и сам соберется как-нибудь с мыслями и напишет что-либо подобное. Зафир не раз замечал, что главный повар засиживается нередко за книгами, что-то выписывая из них. Обратив как-то раз внимание, что мальчишка наблюдает за ним, Козимо подозвал его к своему столу, заваленному бумагами.

– Я насчитал около двадцати видов специй, которые ты использовал для соуса к жаркому из ягнятины. Верно?

Взгляд Козимо казался суровым из-за тяжелых полуопущенных век, отчего Зафир всякий раз приходил в замешательство, не зная, устроит ли старый повар ему выволочку за какую-нибудь провинность, или, напротив, похвалит. В последнее юноше верилось с трудом – главный кухарь Апостольского замка был скуп на добрые слова, придерживаясь своего правила, что с подручных следует драть три шкуры, нежели поощрять. Бывало, если блюдо оказывалось неудачным, он, сняв первую пробу, а затем демонстративно отплевываясь, будто взял в рот не кушанье, приготовленное для папского стола, а помои, предназначавшиеся на выброс, мог макнуть лицом в миску незадачливого повара. Случалось, что в какого-нибудь из бедолаг летели и ложки с горячим, только что снятым с огня, супом.

Зафир, глядя на Козимо, лихорадочно перебирал в голове все ингредиенты того пряного соуса, которые тщательно перетирал в ступке, прежде, чем отправить их в котел с мясом. Была там и пряная гвоздика, и пахучий кардамон, с бархатистым ароматом корица и горьковатый римский кумин, а еще два вида перца: красный и черный, пажитник и охряная куркума, мускатный орех, придающий своим запахом особую сытность еде и выбивающий слезы из глаз жгучий корень калгана...

– Да, все верно, – подтвердил, наконец, Зафир, не в силах больше выносить буравящий взгляд Козимо.

– Мне доводилось как-то раз попробовать смесь этих специй, – голос главного повара на удивление Зафира звучал уже не столь сурово, как мог ожидать этого юноша, пытливо заглядывавший в неприветливое лицо наставника, – но мне она показалась чересчур... – Козимо сделал паузу, подбирая для своих ощущений более подходящее слово, – как бы это сказать... грубой, резкой, что ли. А у тебя она вышла мягче.

– Это роза... – голос Зафира от волнения сделался глухим, и ответ прозвучал так, будто он извинялся за содеянное.

– Роза значит... – Козимо задумчиво глядел на взволнованного Зафира.

– Лепестки роз смягчают вкус, – позволил себе добавить юноша.

– А ты, смотрю, не равнодушен к цветам!

Впервые за время разговора Козимо улыбнулся, но из-за тяжелых век, обездвиженных атрофией мышц, его улыбка больше походила на зловещую гримасу.

С тех пор Козимо стал пристальнее присматриваться к Зафиру, дотошнее допытываться, что и как он делает на кухне. Заметил, что юноша не только превосходно справляется с выпечкой, – еще бы! – но и смылит в приготовлении мяса и рыбы, знает толк в пряностях и специях. Козимо никогда не расспрашивал его, откуда родом Зафир, не знал даже его настоящего имени, все его и всюду называли Эспозито, но догадывался, что юноша явно не из здешних мест.

Понравился главному повару и нехитрый рецепт для хлебной намазки – смеси взбитого со сливочным маслом мягкого сыра из буйволиного молока, в который Зафир добавил лепестки маргариток. Сладковато-ореховый вкус и нежно розовый оттенок весенних цветов оценил по достоинству и Родриго Борджиа, несправедливо, по мнению Козимо, прославивший стараниями злых языков недругов чревоугодником, но на деле просто знавший толк в хорошей еде.

– Сам придумал или кто рассказал? – поинтересовался тогда Козимо и, не дожидаясь ответа Зафира, который не имел уже никакого значения, одобрительно похлопал юношу по плечу.

О похвале со стороны самого папы он, разумеется, умолчал, негласно присвоив все заслуги себе. Однако дружеский жест Козимо в отношении молодого повара не ускользнул от внимания остальных. Такого поощрения не удостоивались от него даже те, кто на кухне провел добрую часть своей жизни.

Занять место Козимо, хоть и по его же указке, нисколько не прельщало Зафира. Он не был настолько честолюбив, чтобы мечтать встать во главе кухни Апостольского замка. Интерес главного повара к тому, что он умеет делать, воспринимался им не более, чем любопытство мастера к чужому знанию. И ему, конечно, не могло не льстить такое внимание. От Зафира не ускользнуло, что повар, слушая его, делал какие-то пометки на бумаге. Что-то записывал с его слов. Так, благодаря рассказам юноши и с легкой руки Козимо на папском столе стало появляться то, чего не приходило доселе в голову ни одному повару. А именно: блюда стали не просто украшать цветами, что делалось во время праздничных пиршеств, само многоцветье природы стало источником питания. И не только во время особых приемов. По весне на обеды и ужины стали подавать густой ярко-желтый суп из одуванчиков, приправленный петрушкой, базиликом и чесноком. Осенью Родриго Борджиа и члены кардинальского совета вкушали обжаренные в масле луковичы лилий с лисичками или опятами, а летом, в пору цветения фиалок в замке Святого Ангела лакомились нежно-розовым вареньем из этих цветов.

Теперь же Зафиру предстояло командовать десятками человек, замерших в ожидании его распоряжений. Всего лишь несколько мгновений, пока юноша собирался с мыслями, но этого было достаточно, чтобы успеть заметить всю гамму чувств, которые вызвало на папской кухне решение главного повара поставить его себе на замену. Как бы кто не отнесся к этому, но всем им так или иначе приходилось подчиняться приказу Козимо. Ослушаться, даже в его отсутствие было немыслимо. Тут повар мог бы похвалиться тем, что умел держать своих работников в ежовых рукавицах.

Впрочем, Зафиру не пришлось ничего выдумывать или излишне напрягать память. Список блюд, который Козимо успел составить еще накануне и согласовать с секретарем Его Святейшества, юноша знал наизусть. Он не обладал, к счастью, мрачным взглядом, как Козимо, чтобы одним взором заставить всех броситься за работу, а голос его еще не загрубел от долгой работы среди шипения котлов и жаровен, стука ножей и разделочных топоров, шум которых то и дело приходилось перекрикивать. Он не умел раздавать подзатыльники, поторапливая подручных, и делать этого не собирался. Зафир окинул пространство кухни и произнес внятно и громко единственное: за работу! После чего сам направился к заждавшимся его кадушкам с опарой, уже изрядно прибавившей в объемах и выпиравшей из-под круглых деревянных крышек.

ГЛАВА 13

Резкий звук стертых клавиш старого Ундервуда казались сродни «ударам судьбы» Пятой бетховенской симфонии. Настолько громоподобным и непривычным для Эстер был звук печатной машинки, разрывающий в клочья тишину комнаты. То ли дело мягкое пощелкивание клавиш ноутбука. На секунду только представить, если бы в редакции, где и без того бывало шумно и говорливо, загрохотал целый оркестр из десятка таких ундервудов. Через полчаса непрерывного битья по машинке у Эстер появилось ощущение, что в голове у нее поселился прямо какой-то одержимый ударник, остервенело колотящий по своим барабанам и тарелкам. Даже остановив это дьявольское арпеджио, в ушах еще несколько минут звенело эхо печатных молоточков, выбивавших вереницы слов и предложений. А мысль тем временем продолжала мчаться вперед, подгоняя сбитые подушечки пальцев, непривычных к столь тяжелой работе, стучать еще быстрее. При этом каждая новая буква, впечатываемая в лист бумаги, запроваленный в валик, требовала еще больших усилий при нажатии на клавишу.

Тем не менее, Эстер, ведомой своими персонажами, удалось под стук старины Ундервуда проделать немалый путь по Риму. Пройти извилистым маршрутом от Аппиевой дороги к району Трастевере, пробежаться мимо лавок менял и банковских кантор, и ни разу не сбившись с пути, переправиться через Тибр по мосту Святого Ангела и, наконец, достичь конечного пункта назначения – Апостольского замка, возвышающегося над городом круглой башней-крепостью с венчающей ее мраморной с медными крыльями фигурой покровителя Вечного города – Архангела Михаила. Удивительное дело, теряясь подчас даже в знакомых, хоженных местах, Эстер ни разу не случилось заплутать в лабиринте средневековых улиц, потеряться среди многочисленных дворцов и замков, прежде чем она спустилась, наконец, в недра Апостольской кухни. А вот тут на каждом шагу подстерегали ловушки и всяческие сюрпризы, ничуть не хуже, чем в картографии города. Оторопь порой брала от обилия кухонной утвари и кулинарных премудростей пятисотлетней давности.

Знатоки поварского дела не ленились тщательно зарисовывать каждый предмет. Погрузившись в их труды Эстер насчитала несколько десятков кастрюль, мармитов, всевозможных пароварок и прочих емкостей для варки и тушения, обнаружила целый ассортимент сковород и жаровен, внушительный арсенал больших, малых и самых миниатюрных ножичков и ножей с плоскими и клинообразными лезвиями для чистки, резки, разделки всякой живности и даже фигурной вырезки овощей и фруктов.

Повара прошлого уделяли огромное внимание обустройству кухонь, расстановке столовых приборов на обеденных столах, но ничтожно мало давали сведений о самих рецептах. При этом никто из именитых кулинаров не утруждал себя фиксацией точного количества используемых в блюдах ингредиентов, ограничиваясь расплывчатыми указаниями вроде того, что следует добавить «толику перца» или бросить «горсть крупы»; все делалось на глазок, на вкус, наощупь, включая определение температуры кипения или жарения, а время готовки рассчитывалось ни минутами и часами, а числом произнесенных молитв.

Работу кухни, которая текла по давно проложенному руслу, неожиданно прервало появление Галлиано – камердинера герцога Гандийского. Он распахнул дверь, за которой клубился пар котлов, томилось рагу из кролика в красном пиве и тушились овощи, сдобренные пряностями и молодыми весенними травами, дышала жаром печь с хлебом и пирогами, пытели меха, раздувая огонь в камине, лязгали ножи о точильный брус, глухо ухал топор мясника о деревянную колоду, а вокруг огромного массивного стола сновали несколько десятков пар ног поваров, таскающих из кладовой корзины с овощами и зеленью, мешки с чечевицей, фасолью и горохом. Вместе со слугой Джованни Борджиа на пороге замерла молодая светловолосая жен-

щина в темно-зеленом платье, из-за корсажа которого виднелись кружева тонкой батистовой рубашки. Все обратили взгляд на эту пару, чье появление здесь меньше всего можно было ожидать. Камердинер герцога, наверное, впервые в жизни снизошел с верхнего этажа замка, где находились апартаменты Борджиа, до таких низов. Он выглядел под стать своему господину: держался франтовато, позаимствовал от своего хозяина заносчивость в обращении с окружающими, если это только не были господа, на которых он взирал с подобострастием, как того требовало его положение слуги, на остальных же смотрел с свысока и презрением, как смотрят выскочки из низов на своих менее, на их взгляд, удачливых собратьев. Вместе с тем он перенял и утонченность жестов Джованни, но у Галлиано они выходили как-то особо жеманными. Тщательно следил за своим платьем, был безукоризненно причесан и гладко выбрит, что от блеска лоснились щеки, а идеальной форме его бровей, которые герцогский слуга явно прореживал и подравнивал, используя, наверняка, щипчики своего хозяина, могла позавидовать иная дама.

Окинув беглым взглядом апостольскую кухню, Галлиано брезгливо поморщил свой безукоризненно прямой нос, и скривил пренебрежительно идеально очерченный, словно у девушки рот. Бог знает, откуда этот изнеженный на вид юноша появился когда-то в замке Святого Ангела и как сумел прибиться к Хуану Борджиа, но для герцога Гандийского он оказался просто не заменим, хотя и терпел от своего хозяина немало. Особенно несладко доставалось ему, когда приходилось вытаскивать Хуана после затянувшихся дружеских попок из многочисленных римских таверн и веселых домов. Несмотря на внешнюю хрупкость, Галлиано был крепок телом, таскал на своих плечах изрядно загулявшего господина, за которым потом ухаживал, как за больным. На другой день Хуан, как правило, просыпался в самом мрачном настроении, и тогда преданному бедняге Галлиано приходилось совсем туго. Молодой герцог проклинал последними словами камердинера за малейшую оплошность, мог запустить в него и тяжеленным бронзовым шандалом. Только благодаря природной проворности Галлиано остался цел, продолжая, сжав зубы терпеть капризы и дурной нрав своего хозяина.

По мере его приближения, Зафир ощутил исходивший от Галлиано запах жасминовой воды, которую герцогский слуга на себя явно не жалел. Все смотрели выжидающе на неожиданных гостей, не понимая, что им понадобилось в этой, окутанной парами кипящих и булькающих котлов и чадом шваркающих жиром жаровен преисподней, куда господа никогда не заглядывали. И уж тем более дамы. Слыханное ли дело, пожаловала сама Лукреция Борджиа! Ее появление вызвало не просто удивление, а полное недоумение. Мясник застыл с окровавленной освежеванной тушкой кролика в одной руке, зажав крепко нож в другой, поваренок, собиравшийся подложить дров в огонь под котлом, где кипела вода, так и остался стоять с охапкой липовых полешек, позабыв об очаге, нечищенная капуста лежала грудой кочанов в корзине, охапка зелени громоздилась на столе, а позабытая распаренная квашня тяжело оседала, вывалившись из кадушек.

– Что угодно Ее светлости? – Зафир быстро отер руки от налипшего теста и вышел вперед, склонив в приветствии перед Лукрецией голову.

Галлиано окинул недоуменным взглядом Зафира, еще не понимая, чего этот чернявый и весь в испарине повар вылез вперед, продолжая искать глазами главного повара.

– Я хочу, чтобы ты приготовил что-нибудь для Хуана... – Лукреция по привычке назвала имя брата на испанский манер, как это было принято в семье, но тут же осеклась, поправив себя за излишнюю фамильярность, – для герцога Гандийского.

Лукреция взяла инициативу в свои руки, ведь именно она настояла на том, чтобы слуга ее брата, все еще пребывавший в замешательстве, проводил ее на кухню, но тут же осеклась,

– Его светлость высказал какие-то пожелания? – все еще борясь с робостью поинтересовался Зафир, вперившись глазами в выщербленный каменный пол.

Впервые в жизни ему приходилось разговаривать вот так лицом к лицу со знатной дамой. Он не был даже уверен, что графиня Пезаро узнала в нем того, которому приходилось пару раз прислуживать ей за столом во время обедов в Апостольском замке.

Держалась Лукреция тем не менее просто в отличие от напыщенного Галлиано, не морщилась брезгливо от кухонных запахов и испарений, не кривила рот при виде потных забежавшихся поваров, и нисколько при этом не походила и на своего брата Хуана, отличавшегося надменностью.

– Наверяд ли у герцога есть какие-то особые пожелания. Он слишком слаб и меньше всего сейчас склонен думать о еде.

В замке, конечно же, были наслышаны о боевом ранении Хуана Борджиа и о том, что вот уже с неделю он не покидает своих покоев, поскольку, как говорили, все еще по-прежнему довольно плох. По распоряжению папского лекаря для Хуана готовили особые кушанья: прозрачный куриный бульон с желтоватыми крапинами жира для восстановления сил, пшеничные галеты вместо свежеспеченного хлеба, чтобы не перегружать желудок и мятный отвар с медом для снятия боли и обеззараживания организма. Но герцог Гандийский оставлял приготовленную ему еду почти нетронутой. Тогда для возбуждения аппетита врач рекомендовал больному давать понемногу вина. Для лечения Хуана Борджиа виночерпий предложил тосканское красное из подвалов маркизов де Фрескобальди, но даже оно оставило папского гонфальоньера равнодушным.

Лукреция смотрела куда-то мимо Зафира, но ему казалось, что от нее ничего не ускользнуло: ни его лоб, покрытый испариной, ни перепачканные в тесте руки, которые в спешке ему не удалось полностью оттереть, и он поспешил спрятать их за спину, чтобы не выглядеть перед госпожой совсем уж замарашкой.

– Приготовь ему что-нибудь простое и в то же время необычное.

Лукреция не требовала, а просила, тем самым приводя в еще большее замешательство Зафира. Говорила она негромко, мягким приглушенным голосом, выдававшим ее обеспокоенность состоянием брата, в котором, говорили, она с детства души не чаяла. Бедняжка изрядно исхудала и осунулась за последние дни, с тех пор, как раненного Хуана Борджиа внесли на носилках в Замок Святого Ангела, беспрестанно молилась за его здоровье – единственное, чем она могла помочь ему, – ее даже не пускали на порог его комнаты.

«Простое и необычное. Как такое возможно?» – недоумевал Зафир, судорожно воображая, что же он может такого особенного приготовить для герцога, измученного тяжелым ранением, и отвергавшего любую еду, которую повара, сбиваясь с ног, мчались готовить по первому же требованию Галлиано.

Просьба Лукреции уже сама по себе выглядела необычной. Сама графиня Пезаро, как успел заметить Зафир, в еде была на удивление не прихотлива. Кулинарным изыскам, какие можно было отведать в Апостольском дворце, особенно в праздники, она предпочитала простую пищу: мягкие сыры, политые медом и молочную рисовую кашу с миндалем и корицей, любила тушеные овощи, приправленные оливковым маслом, с удовольствием угощалась рыбой и не только в пятничный пост. Зато ее брат предпочитал мясо.

«Джованни Борджиа жаждет крови!» – шутили в таких случаях на кухне повара, предусмотрительно оглянувшись и убедившись, что поблизости нет Козимо – тот не терпел подобных вольностей в словах. Молодой герцог ел мясо чуть ли не полусырым. Для Хуана с жаркого срезали только слегка обжаренные сверху куски с еще не свернувшейся внутри кровью, сочившиеся прозрачным соком, когда в них вонзался нож, и еще не утратившими своей мягкости и нежности. А вот птицу герцог Гандийский не жаловал. Особенно каплунов, которых нередко подавали к столу.

– Кастрированный самец не внушает доверия, – посмеивался он, глядя, как другие за столом, чуть ли не со стоном впиваются в нежнейшее белое мясо откормленных словно спе-

циально для самых больших чревоугодников птиц, слизывая с пальцев струящийся жир, пробаваясь затем глотком горькой монастырской дженцианы для улучшения пищеварения.

Впрочем, Хуан в последние дни, мучаясь лихорадкой от незаживающей раны, оказался равнодушен и к мясному. Хотел его Козимо порадовать артишоками с соусом, замешанным на мяте с рутой, греческим фенхелем и кориандром для придания изысканного вкуса, добавив туда еще щепотку перца для возбуждения аппетита, несколько капель смирны для утешения боли, меда, чтобы смягчить остроту, и немного гарума, чтобы в финале оттенить вес букет пряностей и специй. Но и это блюдо, которое апостольский повар готовил с особым тщанием, как художник выписывает каждый штрих своей картины, осталось не оцененным герцогом Гандийским.

«Художник!» – неожиданно мелькнуло молнией в голове Зафира.

В апостольских апартаментах в ту пору всюду шла работа. В Замок Святого Ангела пригласили мастеров для росписи стен и потолков. Готовила кухня и для них. Но ничего особенного. Кашу из полбы, лапшу. То, что ели обычно и другие работники. Правда, в отличие от живописцев, повара за день так успевали насытиться ароматами множеств других блюд, что были сыты уже одними запахами. Зато эта вечно голодная братия в перепачканных красками рубахах то и дело заглядывала жадными глазами в котелки, не осталась ли там еще чего съестного. Только главный у них, – Зафир не помнил его имени, – ел обычно торопливо, не замечая содержимого его миски, нередко забывая даже помолиться перед трапезой. За еду он принимался быстрее, чем успевали закончить традиционное «Благослови, Господи Боже, нас и эти дары, которые по благодати Твоей вкушать будем...». Только когда звучало в конце «Аминь», художник, будто опомнившись, быстро осенял себя знамением, тут же снова хватаясь за ложку, а потом, проглотив последние капли и крошки со своей тарелки, мчался назад в покои понтифика, где ждала его работа.

Вспомнил Зафир о художнике главным образом по тому, что тот затребовал однажды на кухне огромное количество яиц.

– Они ими рисуют, – пояснил один из поварят, подслушав разговор Козимо с художником, но мало разобравшись, что к чему.

– Что прямо яйцами? – с недоверием слушали его остальные, посмеиваясь про себя: так что же там за художество выйдет, если так рисовать?

Что творили художники в замке, на кухне, конечно, было неизвестно, от того и порождало массу слухов и кривотолков. Втихаря и с оглядкой поговаривали даже о каких-то картинах, на которых, якобы, изображены чуть ли не все любовницы Родриго Борджиа, причем в самом непотребном виде.

«Яйца! Ну, конечно, яйца!» – осенило Зафира.

Тут Зафир вспомнил, какие омлеты он едал когда-то в Генуе! Куриные яйца не каждый день появлялись на столе в доме Отто и его жены. Выручали часто как средство от множества болезней, в которое безоговорочно верила Мафальда, перетирая желтки и белки с медом или оливковым маслом, настаивая их на травах, измельчая скорлупу до самого мелкого порошка. Все эти снадобья потом втирались в больные суставы и ушибы, намазывались на язвы и порезы, или принимались в качестве настойки во внутрь при кашле и грудной боли. Время от времени Мафальда баловала мужа и ораву ребятишек, готовя пышные, взбитые в пышную пену, омлеты. Яйца она считала еще и превосходным средством для восстановления сил после болезни. Особым почетом пользовались, конечно же, пасхальные яйца. Их тогда красили в разные цвета. Кошенилью, чтобы придать им красный цвет, травой зверобоя, чтобы сделать желтыми, березовый лист окрашивал в зеленый, бузина-в синий. Лекарство, как и лакомство это было не из дешевых. Отправляясь на рынок, Мафальда предусмотрительно выкладывала на дно корзины солому, чтобы потом, осмотрев со всех сторон каждое по отдельности пегое яичко, аккуратно уложить их одно за другим, словно вещицы из тончайшего стекла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.